

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ ГРЕЦИИ И РИМА

Эдит
Гамильтон

Сама Вселенная
создала богов —

Зевса и Геру,
Гефеста и Афродиту,
Аида и Персефону,
Нерея и Дориду...

◀ Полифем — сын Посейдона и Тоосы,
дочери морского божества Форкия. Страшный
и кровожадный одноглазый великан.

Эдит Гамильтон

Мифы и легенды

Греции и Рима

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=611375

Мифы и легенды Греции и Рима: Центрполиграф; Москва; 2009

ISBN 978-5-9524-3979-5

Аннотация

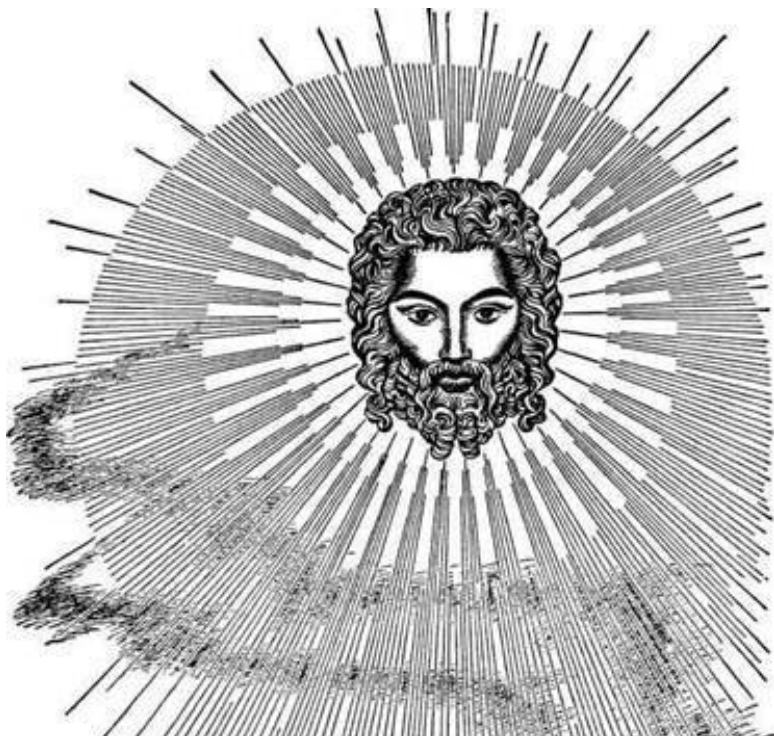
Наиболее полное собрание мифов и легенд о богах и героях Древнего мира, потрясающих и восхищающих образностью, яркостью и романтизмом. Греческие и римские боги, герои Троянской войны, происхождение названий созвездий – об этом, а также о событиях, которые стали поводом для поиска новых форм и создания знаменитых произведений в науке, литературе, музыке и живописи, вы узнаете из этой замечательной книги.

Содержание

Предисловие	5
Введение в классическую мифологию	9
Часть I	30
Глава 1	31
Титаны и двенадцать великих олимпийцев	31
Второстепенные боги Олимпа	54
Боги вод	58
Подземный мир	59
Второстепенные боги земли	62
Римские боги	69
Глава 2	75
Деметра (Церера)	80
Дионис (Вакх)	89
Глава 3	107
Глава 4	132
Прометей и Ио	132
Европа	138
Киклоп Полифем	145
«Цветочные» мифы. Нарцисс, Гиацинт, Адонис	153
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Эдит Гамильтон Мифы и легенды Греции и Рима

Предисловие

Книга по мифологии, очевидно, должна составляться на основании множества различных источников. Двенадцать столетий отделяют друг от друга первых писателей, донесших до нас мифы из глубокой древности, среди которых встречаются столь не похожие друг на друга истории, как не похожи «Золушка» и «Король Лир». Свести их воедино в пределах одного тома – задача, пожалуй, сравнимая по трудности с задачей составления антологии английской литературы от Чосера до баллад, содержащей, далее, Шекспира и Марло, Свифта и Дефо, Драйдена и Поупа и завершающейся, скажем, Текнисом и Броунингом или, чтобы сравнение было более точным, – Кипплингом и Голсуорси. Перечень английских литераторов окажется более обширным, но представленные в антологии материалы будут более однородными. Действительно, Чосер более близок по духу к Голсуорси, а баллады – к Кипплингу, нежели Гомер к Лукиану или Эсхил к Овидию.

Став перед этой проблемой, я с самого начала отказалась от идеи каким-либо образом унифицировать все эти мифы. Для этого потребовалось бы или переписать «Короля Лира», так сказать, низведя его до уровня «Золушки» (обратная процедура, очевидно, невозможна), или на свой собственный лад пересказать истории, которые ни в каком отношении не являются моими собственными и которые уже изложены большими мастерами способом, по их мнению, в наибольшей степени отвечающим характерам героев их расска-

зов. Я, конечно, не хочу сказать, что мною может быть воспроизведен стиль великого писателя или же что я должна была стремиться к такого рода успехам. Я не ставила для себя большей цели, чем представить читателю самых различных авторов, которым мы обязаны нашим знанием мифов. Так, например, Гесиод – на удивление простой, благонамеренный писатель; он наивен, иногда даже по-детски простодушен, частично груб, но всегда исполнен благочестия. Многие из приведенных в книге мифов известны только благодаря ему. Рядом с ними – истории, которые привнес в мифологию Овидий, писатель тонкий, блестящий, артистичный, самоуверенный и целиком и полностью скептический. Мои усилия были как раз и направлены на то, чтобы показать читателю разноплановость в подходе к тематике у столь различных авторов. Кроме того, я учитывала, что, взяв книгу в руки, читатель в первую очередь будет интересоваться не тем, насколько занимательно тот или иной автор пересказывает миф, а тем, насколько близко он знакомит его с оригиналом.

Надеюсь, что читатели, незнакомые с классической мифологией, не только проникнутся интересом к сюжетам мифов, но и смогут прочувствовать мироощущение пересказывающих их авторов, тем более что за две тысячи лет они заслужили право называться бессмертными.

Введение в классическую мифологию

С давних пор... эллины отличались большим по сравнению с варварами благоразумием и свободой от глупых суеверий.

Геродот, 1:60

Как предполагается, греческая и римская мифология показывает нам, каким образом человечество мыслило и ощущало себя многие и многие века тому назад. Согласно этой точке зрения, исследуя мифологические картины, мы можем проследить путь от современного, цивилизованного человека, столь далекого от природы, к человеку, который жил в тесном с ней взаимодействии; а самый большой интерес в мифах представляет для нас то, что они переносят нас в то время, когда – в отличие от современности – мир был еще молод и человек жил в непосредственной связи с землей, ее деревьями и озерами, ее цветами и холмами. Мы понимаем, что во времена возникновения мифов между реальным и нереальным существовало очень мало отличий. Воображение человека было на удивление живым и не сдерживалось рассудком, так что в лесу любой из людей мог увидеть за деревьями пробегающую мимо нимфу или, нагнувшись к прозрачному водоему, разглядеть в его глубинах лицо наяды.

Идея вернуться к этому восхитительному положению вещей поддерживается почти каждым автором, работающим в области классической мифологии, и прежде всего поэтами. В эти бесконечно удаленные от нас времена первобытный человек мог

Увидеть встающего из моря Протея,
Услышать Тритона, звонко трубящего в рог.

И на какой-то миг благодаря созданным им мифам мы можем уловить отблеск этого волшебного и населенного чудесными существами мира.

Однако даже краткого рассмотрения образа жизни нецивилизованных народов в каждой точке земного шара и в любой исторический период достаточно для того, чтобы воздох из этого шарика романтических построений полностью вышел. Совершенно очевидно, что примитивный человек — живи он на Новой Гвинее в наше время или в первозданных чащах много веков назад — никогда не населял свой мир доброжелательными к нему, милыми существами. В первобытной чаще таились ужасы, а не нимфы и наяды. Там жил Ужас с большой буквы, сопровождаемый своими ближайшими спутниками: Магией и общепринятой от нее защитой — Человеческими Жертвоприношениями. Главная защита человечества от гнева тех или иных божеств состояла в выполнении некоторых магических ритуалов, лишенных смысла,

но эффективных, или в жертвоприношениях, сопряженных с муками и горестями.

Мифология греков

Достаточно темная картина древнейшей греческой мифологии самым коренным образом отличается от классических представлений. Анализ мировоззрения древних греков едва ли станет хорошим подспорьем для изучения взглядов первобытного человека на окружающий его мир. Весьма примечательно, насколько кратко греческие мифы рассматривают антропологи.

В отличие от египтян древние греки создавали себе богов по своему образу и подобию

Конечно, греки тоже имели свои собственные корни в первобытной жути. Конечно, они тоже когда-то жили жизнью дикарей, уродливой, полужвериной. Но вместе с тем мифы отчетливо показывают, сколь высоко они поднялись над первозданной мерзостью и всеобщей свирепостью к тому времени, о котором у нас есть хоть какие-то сведения. Об этом времени в мифах можно найти лишь очень туманные воспоминания.

Мы не знаем, когда все эти мифы получили современную трактовку; но как бы там ни было, к этому времени примитивный, первобытный образ жизни лежал у греков уже далеко за спиной. Мифы в том виде, в каком мы их знаем теперь, – создание великих поэтов. Первым письменным литературным памятником Греции является *Илиада*. Греческая мифология начинается с Гомера, жившего, как считают, не ранее чем за тысячу лет до времени Христа. *Илиада* является самым древним литературным произведением Греции. Она написана богатым, изящным, во всех отношениях прекрасным языком, прошедшим в своем развитии сотни лет, в течение которых люди стремились научиться выражать свои мысли четко и красиво. Этот язык – бесспорное свидетельство высокого уровня цивилизованности. Сюжеты греческой

мифологии не проливают яркий свет на вопрос о том, на что было похоже раннее человечество. Зато помогают ответить на вопрос, какими были ранние греки. Эта тема очень важна для нас — их наследников в интеллектуальном, эстетическом и политическом отношении. Все, что мы узнаем о них, для нас не чуждо.

Принято говорить о «греческом чуде». Это выражение означает, что с пробуждением Греции произошло новое рождение мира. «Посмотрите: старое уходит, и все становится новым». Именно что-то вроде этого и свершилось в Греции. Почему же и когда это произошло, мы не имеем ни малейшего представления. Мы только знаем, что у ранних греческих поэтов появились новые представления, которые и не мыслились в предшествующем им мире, но, зародившись, уже никогда не уходили из нового мира. После этого прорыва в мышлении человечество стало центром вселенной, его наиболее важной составной частью. Это был поистине революционный переворот в сознании. До него человеческие существа представлялись чем-то малозначительным. В Греции же человек впервые осознал, что представляет собой человечество.

Древние греки создавали себе богов по своему образу и подобию. Сама идея не приходила в голову народам, ранее их вступившим на арену истории. Их боги не имели каких-либо реальных прототипов в природе, не походили ни на одно из живых существ. В Египте это мог быть какой-нибудь много-

метровый колосс, неподвижный, которого самое сильное во-
ображение не могло наделить способностью к движению, —
такой, как, например, вырубленный из камня комплекс ги-
гантских храмовых колонн, то есть отображение человече-
ских форм, намеренно сделанных нечеловеческими. Или за-
стывшая фигура женщины с кошачьей головой — воплоще-
ние очень негибкой и нечеловеческой жестокости. Или чу-
довищный, исполненный тайн сфинкс, стоящий просто по
ту сторону от всего живого. В Месопотамии — это рельефы,
изображающие существ, не похожих ни на одно из когда-ли-
бо живших в мире: люди с головами птиц и львы с головами
быков, причем и те и другие — с орлиными крыльями. Все
это — творения скульпторов, намеренно создававших обра-
зы, создать которые мог только их собственный мозг, — нере-
альность, доведенная до совершенства.

Такие и подобные им изображения и обожествлял догре-
ческий мир. А теперь поставьте рядом с ними статую любого
греческого бога, столь человеческого и естественного в своей
красоте, и вы поймете, что в мир пришла новая идея. А с ее
приходом вселенная стала рациональной.

Святой Павел сказал, что незримое должно постигаться
через зримое. Это не была древнеиудейская идея; она бы-
ла греческой. В древнем мире только в Греции человек был
в первую очередь занят видимым миром; он удовлетворял
свои желания в тех категориях, которые были заложены в
окружающем его мире. Скульптор, наблюдавший за состяза-

ющимися атлетами, чувствовал, что ничто из того, что он может вообразить, не будет столь же прекрасным, как эти сильные молодые тела. И он ваял статую Аполлона. Рапсод находил своего Гермеса среди людей, которых он встречал на улице. Он видел бога в облике, как выразился Гомер, молодого человека «в том возрасте, когда юность прекрасней всего». Греческие скульпторы и поэты поняли, насколько человек может быть великолепным, замечательно сложенным, сильным и быстроногим. Он стал завершением их поисков красоты. Им совсем не хотелось воплощать фантазии, порождаемые их мозгом. Все искусство, все мышление Греции концентрировалось на человеке.

Антропоморфные боги, естественно, сделали небеса очень приятным местом. И сами греки чувствовали себя там как дома. Они прекрасно знали, чем занимаются обитатели небесных чертогов, что они едят и пьют, где пируют и как развлекаются. Конечно, их следовало опасаться, ведь они были чрезвычайно сильны и, рассердившись, очень опасны. Однако при известной осторожности человек мог держать себя с ними достаточно непринужденно. Он даже вполне мог позволить себе насмехаться над богами. Любимым объектом насмешек являлся сам Зевс, пытающийся скрыть от супруги свои любовные похождения и неизменно терпящий поражения. Греки сочувствовали ему и еще больше любили его за это. Едва ли не самым популярным комическим персонажем стала Гера, типичная ревнивая жена. Ее остроумные попыт-

ки поймать с поличным своего супруга и наказать соперницу совсем не вызывали неудовольствия греков и развлекали их в той же мере, в какой нас развлекают ухищрения ее ревнивых современниц сегодня. Такие мифы располагали к тому, что у человека появлялись к богам вполне дружеские чувства. Смех у ног египетского сфинкса или ассирийского полузверя-полуптицы был бы немыслим; но он был вполне естественен для Олимпа, что делало богов вполне «компанейской публикой».

Низшие божества земли тоже были в высшей мере по-человечески привлекательны. В облике прекрасных юношей и девушек они населяли леса, рощи, реки, озера, находясь в полной гармонии с зелеными кущами и ясными водами.

Это и есть чудо, совершенное греческой мифологией, — гуманизированный мир и человек, свободный от парализующего страха перед всемогущей Неизвестностью. Пугающе непостижимые существа, обожествляемые в других странах, и внушающие ужас духи, которыми там кишмя кишели земля, воздух и море, были изгнаны из Греции. Может показаться странным, но те, кто слагал мифы, опирались не только на иррациональное и любили вкрапливать в свой рассказ факты, какие бы безудержно фантастические обстоятельства ни содержал миф. Всякий, кто внимательно читает мифы, замечает, что самые нереальные вещи в них происходят в мире, обставленном вполне рационально и прагматично. О Геракле, вся жизнь которого была, в сущности, непрерывной борь-

бой с до абсурда нелепыми чудовищами, всегда сообщается, что его дом находился в конкретном городе – Фивах. Любой греческий турист мог посетить место, где родилась Афродита, – неподалеку от берега острова Кифар. Крылатый конь Пегас, весь день пронесившись по небу, на ночь прилетал в свою благоустроенную конюшню в Коринфе. Привязка к знакомым каждому греку местам придавала реальность всем мифическим персонажам. Хотя подобное смешение рационального, жизненного, с одной стороны, и иррационального, фантастического – с другой – представляется детски наивным, стоит задуматься, насколько же такой подход был более надежным и разумным по сравнению, скажем, с эпизодами, в которых джинн появляется, когда Аладдин трет лампу, ниоткуда и, выполнив задачу, пропадает в никуда.

В классической мифологии нет места ужасающей иррациональности. Элементов магии, столь популярной в догреческом и послегреческом мире, в ней почти не существует. Ужасающей сверхъестественной силой в греческих мифах наделены только две женщины, но не обладает ни один мужчина. Одержимые демонами волшебники и отвратительные старые ведьмы, фигурировавшие в мифологии Европы и Америки чуть ли не до наших дней, у греков не играют никакой роли. Единственные «ведьмы» – это Кирка и Медея, но они молоды и потрясающе красивы и поэтому вселяют восторг, а не ужас. Астрологии, столь популярной в мире со времен Вавилона и до наших дней, Греция не знала

совершенно. Действительно, известно множество мифов о звездах, но ни в одном из них нет ни малейшего упоминания о каком-либо их влиянии на человеческие судьбы. Астрономия – вот что было создано греческой ментальностью в процессе наблюдений за звездами. Ни в одном из мифов не выведен обладающий магическими знаниями жрец, которого следует страшиться из-за того, что ему известны способы привлечь или, наоборот, оттолкнуть милость богов. Жрецы вообще появляются в мифах крайне редко, а если и появляются, большой роли не играют. Когда в *Одиссее* перед главным героем жрец и поэт падают на колени, умоляя сохранить им жизни, тот без раздумий убивает жреца, но сохраняет жизнь поэту. Гомер говорит, что Одиссей испытывал нечто вроде священного трепета перед человеком, которого его искусству обучили сами боги. Не жрец, но поэт связан с небесами – и никто не испытывает из-за этого перед ним страха. Души мертвых, привидения, которых так боялись в других странах, никогда не появлялись на земле ни в одном греческом мифе. Греки не знали страха перед покойными – *Одиссея* называет их: «эти достойные жалости мертвые».

В мире греческой мифологии человеческий дух не испытывает ужаса перед богами. Правда, боги непредсказуемы, и никогда нельзя предвидеть, когда ударит перун Зевса. Тем не менее все их сообщество – за немногими и по большей части не столь уж важными исключениями – чарующе красиво человеческой красотой, а ничто по-человечески краси-

вое страшить не может. Ранние греческие мифологи преобразовали мир страха в мир, наполненный красотой.

Но и на солнце есть пятна. Эта трансформация происходила медленно и никогда не была полностью завершена. «Очеловеченные» боги на долгое время оказались лишь ненамного лучше своих почитателей. Конечно, они были невыразимо прекраснее и много сильнее их; более того, они были бессмертными. Однако нередко они поступали так, как не поведет себя ни один благородный мужчина, ни одна порядочная женщина. Так, например, в *Илиаде* Гектор совершает более благовидные поступки, чем любой из бессмертных, а в моральном отношении Андромаха бесконечно превосходит Афины или Афродиту. Что же касается Геры, то ее поведение от начала и до конца отвечает самому низкому уровню представлений о человеческой морали. Почти каждый из этих лучезарных богов может вести себя высокомерно или даже жестоко. На небесах гомеровского мира и еще очень долго после Гомера существуют очень ограниченные представления о хорошем и плохом.

Есть и другие темные пятна. Это – следы того времени, когда боги выступали в зверином обличье. Сатиры – это полулюди-полукозлы, а кентавры – полулюди-полулошади. Геру часто называют «волоокой». Это определение, видимо, удерживается за ней на всем пути развития ее образа от богини-коровы до антропоморфной царицы мира. Имеются также и мифы, которые явно сложены еще в эпоху челове-

ческих жертвоприношений. Однако удивительно не то, что здесь и там еще встречаются эти кусочки дикарского мировоззрения. Удивительно, что их так мало.

Конечно, монстры всегда присутствуют в мифах в том или ином виде – ужасные гидры, горгоны, химеры; но они вводятся в миф только для того, чтобы герой мог быть увенчан победными лаврами. Действительно, что бы делал без них герой? А он ведь всегда их побеждает. Величайшего героя греческой мифологии, Геракла, можно рассматривать как аллереорию самой Греции. Он сражался с чудовищами и освобождал от них землю подобно тому, как сама Греция освобождала землю от чудовищной идеи господства нечеловеческого над человеческим.

Греческая мифология переполнена рассказами о богах и богинях, но ее не следует рассматривать как греческую Библию, изложение греческой религии. В соответствии с большинством современных представлений подлинный миф имеет с религией мало общего. Он призван объяснить какие-то природные явления: например, каким образом в мире появились люди, животные, то или другое дерево или цветок, солнце, луна, звезды, бури, извержения вулканов, землетрясения, то есть все то, что существует или происходит. Гром и молния возникают, когда Зевс мечет свои перуны. Вулкан извергается потому, что в горе заточено чудовище, которое время от времени пытается освободиться. Созвездие Большая Медведица не опускается за горизонт потому,

что на него когда-то рассердилась некая богиня и повелела ему никогда не садиться в море. Мифы – это первонаука, результат первых попыток человека объяснить себе картину мира. Вместе с тем известны мифы, которые не объясняют ровным счетом ничего и имеют чисто развлекательный характер, относясь к тем рассказам, которыми люди тешат себя долгими зимними вечерами. Примером таких мифов является история Пигмалиона и Галатеи, никоим образом не связанная с каким-либо природным явлением. То же самое можно сказать о мифах о золотом руне, Орфее и Эвридике и множестве других. В наше время эта точка зрения является общепринятой, и нам не следует искать в каждой мифологической героине воплощение луны или зари, а в жизни каждого героя видеть солнечный миф. Мифы – это и перво-литература, и первонаука.

Но они одновременно являются и отображением религиозных представлений. Конечно, эти представления находятся на заднем плане, но разглядеть их нетрудно. Начиная от Гомера и до трагиков и даже позднее постепенно углубляется понимание того, что же нужно человеку и чего он хочет от своих богов.

Громовержец Зевс, очевидно, был когда-то богом, распоряжавшимся дождем. Для греков он даже важнее, чем солнце, поскольку гористая Греция нуждалась в дожде гораздо больше, чем в солнечном тепле и свете, и богом богов должен был стать тот, кто дарил своим почитателям драгоцен-

ную влагу жизни. Но гомеровский Зевс – не какое-то природное явление. Он – личность, живущая в мире, в который уже вошла цивилизация, и, конечно, он – эталон представлений о добре и зле. По нашим меркам, не лучший образец: Зевс примеряет его в основном к другим, а не к себе самому. Однако он наказывает лгунов и нарушителей клятв; гневается на дурное обращение с телами покойных; он жалеет старого Приама и помогает ему, когда тот отправляется к Ахиллу в качестве просителя. Своего высшего уровня он достигает в *Одиссее*. Один из ее персонажей, свинопас, заявляет, что нуждающиеся и странники посылаются Зевсом, и тот, кто отказывается помочь им, грешит против самого отца богов. Гесиод, живший ненамного позже Гомера (если он вообще жил позже), говорит, что человек, который причиняет зло просителю и страннику или дурно обращается с сиротами, подвергает себя гневу Зевса.

А потом спутницей Зевса становится Справедливость. Это – совершенно новая идея. Еще в *Илиаде* склонные к пиратству капитаны кораблей справедливости вовсе не жаждали. Они стремились делать то, что им по нраву, поскольку чувствовали себя достаточно сильными и им был нужен бог, выступающий на стороне сильных. Но Гесиод, крестьянин-бедняк, осознавал, что неимущие должны иметь справедливого бога. Он писал: «И рыбы, и звери, и птицы небесные пожирают друг друга. Но человеку Зевс дал понятие о справедливости. Рядом с сидящим на троне Зевсом восседа-

ет справедливость». Эти фразы показывают, что огромные и горькие нужды обездоленных достигли небес и превратили бога сильных в бога защитника слабых.

Итак, в мифах о сластолюбивом Зевсе, о трусоватом Зевсе или даже о Зевсе, вызывающем насмешки, можно разглядеть черты нового отца богов. Эти качества все сильнее проступали по мере того, как люди постепенно осознавали, чего требует от них жизнь и что они хотят видеть в божестве, которому служат. Этот Зевс постепенно вытеснил всех остальных, со временем заняв собой всю сцену. По словам Диона Хрисостома, жившего во II в. н. э., он превратился в «нашего Зевса, подателя всяческих благ, всеобщего отца, спасителя и охранителя человечества».

Одиссея говорит о «божестве, для которого все люди равноценны», а через несколько столетий Аристотель напишет слова: «Величие, созданное племенем смертных». Начиная с ранних мифологов, греки имели представление и о божественном, и о превосходящем. Их стремление к постижению этих категорий было настолько сильным, что они прилагали усилия увидеть их во всей четкости, пока бог грома и молнии не превратился в универсального отца.

Греческие и римские писатели-мифологи

Большинство книг по классической мифологии в значительной мере основаны на стихах римского поэта Овидия,

творившего во времена правления императора Августа. Его сочинения – краткая энциклопедия мифологии. В этом отношении с ним не может сравниться ни один древний писатель. Он пересказал почти все мифы – и достаточно подробно. Иногда отдельные известные нам из литературы или изобразительного искусства мифы дошли до нас только благодаря ему. В этой книге, правда, я по возможности избегала использовать его стихи. Он был, несомненно, замечательным поэтом и отличным рассказчиком, вполне способным оценить тот великолепный материал, который мифы ему предлагали, но его точка зрения расходится с современной. Для него они были собранием немыслимого вздора.

Я болтаю о древних поэтов чудовищной лжи,
О вещах, не виданных никем и никогда.

В сущности, он заявляет своему читателю: «Не важно, насколько они глупы. Я их так для тебя хорошо приодену, что они придутся тебе по вкусу». И он делает это, нередко весьма удачно, но в его руках эти рассказы, которые были истинной, непреложной правдой для ранних греческих поэтов Гесиода и Пиндара и отражением глубокого религиозного чувства для греческих трагиков, стали пустыми побрякушками, иногда, правда, остроумными и несущими заряд развлекательности, нередко сентиментальными или утомительно риторичными. Греческие же мифологи почти свободны и от

сентиментальности, и от риторичности.

Перечень основных писателей, через творения которых мифы дошли до нашего времени, невелик. Его, конечно, возглавляет Гомер. *Илиада* и *Одиссея* представляют собой (или, скорее, содержат) древнейшие памятники греческой литературы. Точно датировать какую-либо их часть возможным не представляется. Ученые дают очень расходящиеся датировки, и, вне всякого сомнения, будут делать это и впредь. Обычно возражений не вызывает цифра 1000 г. до н. э.

Второго из названных авторов относят к IX, иногда к VIII в. до н. э. Гесиод был бедным крестьянином; его жизнь была тяжелой и горькой. Не может быть большего контраста, чем между его поэмой *Труды и дни*, в которой он пытается научить человека жить добропорядочной жизнью в этом суровом мире, и изящным великолепием *Илиады* и *Одиссеи*. Но Гесиоду есть что сказать и о богах: в приписываемой ему второй поэме, *Теогонии*, он сосредотачивает себя на вопросах мифологии. Если Гесиод действительно создал ее, это означает, что скромный крестьянин, живущий в уединении вдалеке от городов, стал в Греции первым человеком, который задумался, откуда и как произошло все и вся: мир, небо, боги, человечество, – и постарался найти этому объяснение. Если Гомер никогда и ничему не удивлялся, то *Теогония* – это рассказ о появлении вселенной и о происхождении нескольких поколений богов, что весьма ценно для мифологии.

Следующими по порядку идут гомеровские гимны-поэмы, написанные в честь того или иного бога. Их тоже нельзя точно датировать, но согласно мнению большинства ученых они относятся к концу VIII или началу VII в. до н. э. Последний из представляющих заметный интерес гимнов (всего их 33) появился в Афинах и относится к V или, возможно, IV в. до н. э.

Пиндар, величайший лирический поэт Греции, начал писать приблизительно в конце VI в. до н. э. Он сочинял оды в честь победителей на всегреческих празднествах или играх, и в каждом из его произведений или излагается один из мифов, или же содержится намек на него. Для мифологии Пиндар имеет то же значение, что и Гесиод.

Современником Пиндара был Эсхил, старший из трех самых известных поэтов-трагиков. Двое других, Софокл и Еврипид, были несколько моложе. Еврипид, самый младший, скончался в конце V в. до н. э. Все их пьесы, за исключением *Персов* Эсхила, написанных в честь победы греков над персами при Саламине, созданы на основе мифологических сюжетов. Наряду с творениями Гомера они представляют собой наиболее важный источник для изучения мифов.

Большой мастер комедии, Аристофан, живший в конце V – начале IV в. до н. э., также нередко обращается к мифам, как, впрочем, и два великих прозаика – Геродот, первый историк Европы и современник Еврипида, и Платон, философ, живший почти поколение спустя.

Расцвет творчества александрийских поэтов приходится приблизительно на середину III в. до н. э. Их называли так потому, что в эту эпоху центр греческой литературы переместился из Греции в Александрию Египетскую. Александриец Аполлоний Родосский подробно рассказывает историю похода аргонавтов за золотым руном, а наряду с ней и некоторые другие мифы. В стихах Аполлония и еще трех александрийских поэтов, разрабатывавших мифологические сюжеты (пасторальные поэты Феокрит, Бион и Мосх), теряется простота Гесиода и присущая Пиндару вера в богов. Религиозность, свойственная поэтам-трагикам, утрачивает свою глубину и серьезность, но не допускается и фривольность Овидия.

Более поздние писатели, римлянин Апулей и грек Лукиан, творившие во II в. н. э., также внесли важный вклад в разработку мифологической тематики. Знаменитая история о любви Купидона и Психеи дошла до нас только в передаче Апулея. Его изложение мифов очень напоминает подход Овидия. Лукиан похож только на самого себя. Он представляет богов в сатирическом виде. В его время они уже стали предметом насмешек. Вместе с тем он сообщает о них немало ценных сведений.

Аполлодор, также грек, который – вслед за Овидием – является одним из самых плодовитых древних мифологов, но в отличие от Овидия он очень придерживается фактов и потому скуп. Его жизнь и творчество датируют в весьма ши-

роком диапазоне – от I в. до н. э. до IX в. н. э. Английский ученый Дж. Фрезер считает, что Аполлодор жил и творил или в I или во II в. н. э.

Грек Павсаний, автор, в сущности, первого в мире путеводителя, сообщает много интересного о тех событиях, связанных с мифами, которые происходили в местах, где побывал страстный путешественник. Он жил во II в. н. э.; вопросами о правдивости сообщаемых им мифов он не задается, излагая их с полной серьезностью.

Из римских поэтов сильно выделяется Вергилий. Он верит в мифы не более, чем его современник Овидий, но он увидел в них отображение человеческой сущности и придал мифологическим персонажам такие живые человеческие черты, которые не мог им придать никто со времени греческих трагиков.

Мифологическую тематику разрабатывали и другие римские поэты. Несколько мифов изложено Катуллом, Гораций часто намекает на тот или иной миф, но большого значения для мифологии эти поэты не имели. Всем римлянам мифы представлялись чем-то бесконечно далеким, какими-то забытыми тенями прошлого. Лучшими проводниками по греческой мифологии являются, несомненно, греческие писатели, сами верившие в то, что они пишут.

Часть I

Боги. Создание мира и человека и древнейшие герои

Глава 1

Боги

*Милые, смутные призраки славы минувшей,
Увы, последние из прежде живших богов...
Вы дышите воздухом тем, что дышали вы
В том мире далеком, откуда явились
Из небесных чертогов утраченных,
с Олимпа высот.*

Греки не верили, что вселенная создана богами. По их представлениям, все произошло как раз наоборот: вселенная создала богов. Прежде всего появились бог Неба и богиня Земли. Они и стали первыми родителями. Их детьми были титаны, а внуками – боги-олимпийцы.

Титаны и двенадцать великих олимпийцев

Вселенной несчетное количество веков правили титаны – боги старшего поколения. Они обладали чудовищным ростом и невероятной силой. Их было множество, но героями мифов выступают лишь некоторые из них. Самым главным из них был Крон, по-латыни Сатурн. Он управлял миром и остальными титанами, пока его не сверг с трона его сын Зевс,

захвативший власть в свои руки. Согласно римским преданиям, после того как Зевс стал править миром, Сатурн бежал в Италию. Время его пребывания там называют «золотым веком» – временем идеального мира и счастья, длившимся до конца его правления.

Другими знаменитыми титанами были Океан, река, обтекающая Землю кругом; его жена Тефис (Тетия); Гиперион, породивший Солнце, Луну и Утреннюю зарю; Фемида (обычно переводится как Справедливость); Иапет – отец известных титанов: Атланта (державшего на плечах небосвод) и Прометея (ставшего спасителем человечества). Только они не подверглись изгнанию с приходом Зевса к власти, но им пришлось занять более низкое место в иерархии.

Среди богов, победивших титанов, выделяются двенадцать великих олимпийцев. Они называются так потому, что живут на Олимпе. Первоначально обиталищем богов считали вершину самой высокой горы Греции – Олимпа, расположенной на северо-востоке Греции, в Фессалии. Однако уже в самой ранней из греческих поэм, *Илиаде*, это представление начинает вытесняться идеей Олимпа как некоего таинственного места, находящегося много выше всех гор Земли. В *Илиаде* Зевс обращается к богам, «на высшей главе многохолмного сидя Олимпа», то есть в данном случае это – все-таки гора. Но через несколько строк поэмы Зевс обещает при желании подвесить и землю и море на цепи, закрепленной за вершину Олимпа. Стало быть, здесь Олимп – уже не гора,

но и не небо! У Гомера Посейдон заявляет, что он правит морями, Аид – царством мертвых, Зевс – небесами, а Олимп находится в их общем владении.

Олимп

Где бы, впрочем, он ни находился, войти на него можно через огромные облачные ворота, охраняемые Временами года. На Олимпе расположены чертоги богов, в которых они живут, спят, пируют, вкушая нектар и амброзию, и наслаждаются игрой Аполлона на лире. Это – обитель идеально-го блаженства. Ни один ветерок, утверждает Гомер, не нарушает спокойствия на Олимпе; здесь не бывает ни дождя, ни снега; во все стороны от Олимпа простирается безоблачное небо, и самый яркий солнечный свет рассеивается на ограждающих его стенах.

К числу олимпийцев относятся:

1) Зевс (Юпитер), повелитель мира и остальных богов; два его брата: 2) Посейдон (Нептун) и 3) Аид; 4) Гестия (Веста), их сестра; 5) Гера (Юнона), супруга Зевса; 6) Арес (Марс), их сын; дети Зевса: 7) Афина (Минерва), 8) Аполлон, 9) Афродита (Венера), 10) Гермес (Меркурий), 11) Артемида (Диана); сын Геры Гефест (Вулкан), которого иногда считают также и сыном Зевса.

Зевс (Юпитер)

Зевс и его братья тянули жребий с тем, чтобы определить, какая часть мира достанется каждому из них. Моря полу-

чил Посейдон, подземный мир – Аид, а Зевс стал верховным правителем. Он стал богом небес, богом дождя и тучегонителем, обладавшим ужасными перунами. Его мощь превосходила силу и могущество всех прочих богов, вместе взятых. В *Илиаде* Зевс заявляет:

...могучее всех я бессмертных!

Или дерзайте, изведайте, боги, да все убедитесь:

Цепь золотую теперь же спустив от высокого неба,

Все до последнего бога и все до последней богини

Свесьте на ней; но совлечь не возможете с неба на землю

Зевса, строителя вышнего, сколько бы вы ни трудились!

Если же я, рассудивши за благо, повлечь возжелаю, —

С самой землей и с самым морем ее повлеку я

И моею десницею окрест вершины Олимпа

Цепь обовью; и вселенная вся на высотах повиснет

Столько превыше богов и столько превыше я смертных!

Тем не менее Зевс не был ни всемогущим, ни всеведущим. Его можно было легко обхитрить. В *Илиаде* его обманывают и Гера, и Посейдон. В некоторых случаях сильнее его оказывается таинственная сила, судьба. У Гомера Гера с презрением вопрошает Зевса, может ли он спасти от смерти человека, приговоренного к ней Судьбой.

В мифах Зевс представлен то и дело влюбляющимся в одну женщину за другой и пускающимся во все тяжкие, чтобы скрыть свою неверность от супруги. Причина, по кото-

рой такие проказы приписываются самому авторитетному из богов, состоит в том, что образ Зевса гимнов и мифов складывается из образов многих богов. Когда Зевса начинают обожествлять в городе, в котором уже имеется свой божественный повелитель, два образа постепенно сливаются в один, а жена более раннего бога переходит к Зевсу.

Однако результат такой трансформации оказывается сомнительным, и впоследствии грекам не очень импонировали эти бесконечные любовные похождения.

Однако даже в самых ранних памятниках Зевс наделен таким качеством, как величие. В *Илиаде* Агамемнон произносит слова:

Славный великий Зевс, горнооблачный житель эфира!

Зевс требовал не только жертвоприношений, но и добродетельных поступков. Греческому войску под Троей внушают, что «отец Зевс никогда не помог ни лжецам, ни нарушителям клятв». Два представления о Зевсе («высокое» и «низкое») сосуществовали долгое время.

На груди Зевс носит эгиду, один вид которой приводит в ужас; его птица – орел, дерево – дуб. Его оракул расположен в До доне под сенью дубовой листвы. Воля бога изъясняется через шорох дубовых листьев и истолковывается жрицами.

Гера (Юнона)

Она – жена и сестра Зевса. Ее воспитали титаны Океан и Тефис. Она – покровительница брака и особо заботится о замужних женщинах. В ее словесных портретах, нарисованных поэтами, привлекательного не так уж много. Одна из ранних поэм характеризует ее следующим образом:

Гера, на троне златом восседающая.

О, бессмертных царица!

Всех превосходишь ты по красе и по статям из олимпийцев.

Ты – честь и для Зевса, повелителя громов.

Когда же ее деяния рассматриваются в мифе подробно, оказывается, что в основном она занята наказанием женщин, в которых влюбился ее супруг, даже если они уступили его домогательствам после того, как он принудил или обманул их. Гера не видела разницы в том, в какой мере они сопротивлялись или были принуждены уступить. В любом случае Гера считала их одинаково виновными. Ее неумолимая злоба преследовала не только женщину, но и ее детей. Троянская война могла бы завершиться почетным миром, при котором побежденных просто не было бы, если бы не ненависть Геры к троянцу, посчитавшему другую богиню прекрасней.

Обида за свою непризнанную красоту таилась в ней вплоть до полного разрушения Трои.

В одном очень важном мифе, а именно мифе о золотом руне, она выступает как милостивая покровительница героев и вдохновительница их подвигов. Но больше ни в одном мифе она не выступает в таком качестве. Тем не менее она почиталась в каждом доме. Именно к ней замужние женщины обращались за помощью. Илифия, богиня-родовспомогательница, – ее дочь.

Ей посвящены корова и павлин. Ее любимый город – Аргос.

Посейдон (Нептун)

Посейдон – повелитель моря, брат Зевса и второй после него по мощи и значению. Греки, жившие по обоим берегам Эгейского моря, жили доходами от морской торговли, и благосклонность бога морей имела для них особую важность. Его жена – Амфитрита, внучка титана Океана. На дне морском у Посейдона – великолепный дворец, но на Олимпе его можно встретить чаще.

Посейдона почитают не только как хозяина морей – он подарил человеку первую лошадь.

Владыка Посейдон, тот, кто дает нам гордость,
И сильных коней молодых, и умение

Плыть над бездной бездонной!
Он повелевает и бурями и штилями:
Он повелел, и вдруг буря взыгралась,
И по глади морской покатались мощные волны.

Когда же он несется в своей золотой колеснице над водами, волны стихают и позади нее расстилается уже тихое спокойное море.

Его часто называют Потрясателем земли и всегда изображают с трезубцем, с помощью которого он может потрясти или разбить в куски все, что ему угодно.

Просматриваются некоторые культовые связи между ним и быками, а также конями.

Аид (Плутон)

Среди олимпийцев – третий брат, получивший в качестве своей доли при дележе мира подземный мир и владычество над душами усопших. Из-за того, что в земле таится немало драгоценных металлов, его также именуют Плутонем, то есть богом богатства. Этим именем его величают и греки, и римляне, но нередко его называют и Дис^{[\[1\]](#)}, что по-латыни означает «богатый». Он владеет знаменитым шлемом, или шапкой, делающим надевшего его невидимым. Редко покидает свое мрачное царство, чтобы появиться на земле или на Олимпе. Впрочем, его к этому и не вынуждают – он не

слишком желательный гость. Он безжалостен и неумолим, но справедлив; бог не злой, но внушающий ужас.

Аид женат на Персефоне (Прозерпине), которую он похитил на земле и сделал владычицей своего царства.

Он владыка мертвых, но не является воплощением самой смерти, которую греки называли Танатом, а римляне – Орком.

Афина Паллада

Она – дочь одного только Зевса^[2] и рождена без матери. Она вышла из его головы вполне сформировавшейся и в полном вооружении. В самом раннем повествующем о ней источнике, *Илиаде*, она – свирепая и беспощадная богиня-воительница, но в других мифах она проявляет свою воинственность только для того, чтобы помочь отстоять государство и отечество от внешних врагов. Она, скорее, богиня-защитница городов, покровительница цивилизованной жизни, ремесел и сельского хозяйства; изобретательница уздечки, впервые укротившая лошадей и поставившая их на службу человеку.

Она – любимое дитя Зевса. Он доверяет ей носить свою ужасающую эгиду – щит и свое сокрушительное оружие – перуны.

Чаще всего ее характеризуют словом «сероглазая» или, как иногда переводят, «сверкающеглазая». Из трех бо-

гинь-девственниц она – самая авторитетная; ее зовут Дева (Парфенос). Поэтому ее храм называется Парфеноном. У поздних поэтов она – воплощение мудрости, здравомыслия, чистоты.

Ей посвящен город Афины; ее дерево – выращенная ею маслина; ее птица – сова.

Аполлон (Феб)

Он – сын Зевса и Лето (Латоны), рожденный на маленьком острове Делос. Его называют «самым греческим из всех богов». ^[3] Он – великолепная фигура в греческой поэзии, блистательный музыкант, восхищающий Олимп игрой на своей золотой лире; он отлично владеет и своим серебряным луком, бог-стреловец, далеко рассыпающий свои стрелы; он также и бог-целитель, первым научивший людей искусству врачевания. Помимо всех этих чарующих, да и полезных качеств, он – бог света, в естестве которого нет ни капли тьмы, и одновременно бог – воплощение правды. С его уст никогда не слетит ни одно лживое слово.

О, Феб, на троне истины сидящий!

Из своего дворца, что в сердце мира расположен,

Ты людям истину вещаешь.

По веленью Зевса там лжи не может быть,

На речь правдивую там никогда

Не ляжет тень неправды.

Великий Зевс скрепил своими клятвами

Правдивость Аполлона – когда он говорит,

На искренность его все могут полагаться.

Важную роль в мифологии играли Дельфы, где был расположен оракул Аполлона, приютившиеся под вздымающимся над ними Парнасом. Посвященный ему источник – Касталия, его река – Кефисс. Дельфы считались центром мира^[4]; в них стекались паломники и из самой Греции, и из других стран. Ни одно другое святилище не могло соперничать с ними. Ответы на вопросы, задававшиеся тревожащимися «искателями истины», сообщались жрицей, которая перед началом предсказаний вводила себя в транс. Предполагалось, что он вызывается испарениями, выходящими из глубокой расселины в скале, над которой стоял ее треножник, где она восседала.

Аполлона называют Делийцем по названию острова Делос, на котором он родился, и Пифийцем, как бога, убившего змея Пифона, когда-то обитавшего в пещерах Парнаса. Это было ужасающее чудовище, и битва была очень жестокой, но в конце концов не знающие промаха стрелы Аполлона принесли ему победу. Еще одно прозвище Аполлона – Ликейский (Ликийский), которое трактуется как «волчий бог», бог света и бог Ликийи.^[5] В *Илиаде* он называется Сминфеем, то есть мышиным богом, но защищает ли он мышей или уни-

что жает их, неизвестно. Зачастую он выполняет и функции бога Солнца. Его имя Феб означает «сияющий» или «лучезарный». Строго говоря, богом Солнца у греков был Гелиос, сын титана Гипериона.

В Дельфах Аполлон представлял собой силу, совершающую исключительно благодеяния, звено, обеспечивающее непосредственную связь между богами и людьми; силу, ведущую людей к познанию воли божества, указывающую им путь установления мира с богами; очистительную силу, способную снять скверну даже с тех, кто запятнал себя кровью родственников. Вместе с тем известно несколько мифов, в которых Аполлон предстает жестоким и безжалостным. В Аполлоне, как и во всех других богах, борются две идеи: одна – примитивная, грубая и вторая – возвышенная и поэтическая. От примитивной идеи в нем почти ничего не осталось.

Его дерево – лавр. Ему посвящено множество животных, главными из которых являются дельфин и ворон.

Артемида (Диана)

По месту рождения, горе Кинф на острове Делос, ее также называют Кинфией.

Артемида – сестра-близнец Аполлона, дочь Зевса и Лето. На Олимпе она – одна из трех богинь-девственниц.

Афродита золотая, что любовь пробуждает в творении
каждом,
На Олимпе себе подчинить не может только три сердца:
Сердце чистое Весты, сероглазой Афины, богини войны
и ремесел,
И Артемиды, богини-охотницы, зверя гонящей по диким
ущельям.

Она – покровительница диких зверей, главная охотница
среди богов – занятие, довольно странное для женщины. Как
и всякий хороший охотник, она заботится о сохранении мо-
лодняка; она – везде «защитница юности нежной». Тем не
менее действуя в духе тех потрясающих противоречий, столь
характерных для мифологии, она не дает греческому флоту
отплыть в Трою, пока греки не принесут ей в жертву дев-
ственницу. В ряде других мифов она также предстает злоб-
ной и кровожадной. С другой стороны, когда женщины уми-
рали быстрой безболезненной смертью, считалось, что они
убиты ее серебряными стрелами.

Подобно тому как Феб воплощает Солнце, Артемида во-
площает Луну, часто именуемую Селеной (Луна по-латыни).
Исходно ни одно из этих имен ей не принадлежало. Фебой
звалась титанида, одна из богинь старшего поколения. А Се-
леной действительно была богиня Луны, но никак не сестра
Аполлона. Она была сестрой Гелиоса, бога Солнца, которого
иногда путали с Аполлоном.

У поздних поэтов Артемида отождествляется с Гекатой.

Она предстает в трех ипостасях: Селена – на небе, Артемида – на земле и Геката – в подземном мире, а также на земле, когда та окутана мраком ночи. Геката – богиня темных ночей, когда на небе не светит луна. Она ассоциируется с делами, совершаемыми во тьме ночей; она также – и богиня перекрестков, которые считались очень подходящим местом для всякого рода ритуальных действий в области черной магии. Это внушающее ужас божество.

Геката адская,
Всегда готова уничтожить нечестивца.
Вот с лаем Гекаты псы несутся по дорогам,
Она ж сама на перекрестке трех дорог
Уже стоит.

Довольно странное превращение для миловидной охотницы, гоняющей по лесам дичь, для Луны, свет которой делает всех столь красивыми, наконец, для чистой девственницы, которой

Тот, кто душою чист и непорочен,
Может невозбранно нести в подарок и цветы, и фрукты,
и листву.
Но нечестивому заказано все это.

В ее образе очень четко высвечена зыбкость границы между добром и злом, свойственная каждому из богов.

Артемиде посвящен кипарис; под ее защитой находятся все дикие животные, но в особенности лань.

Афродита (Венера)

Она – богиня любви и красоты, в равной степени обманывающая и богов, и людей; она любит смеяться и весело или презрительно потешается над теми, кто попался в ее сети; она – неотразимая богиня, способная похитить даже рассудительность у мудреца.

В *Илиаде* она – дочь Зевса и Дионы, а в более поздних поэмах она рождается из морской пены, и ее имя объясняется как «пенорожденная» (Афрос – пена по-гречески). Она была рождена близ острова Киферы, а оттуда перенесена на Кипр. Оба этих острова считались посвященными ей. Ее называли Кифереей или Кипридой так же часто, как и настоящим именем.

В одном из гомеровских гимнов, где она называется «прекрасной, золотой богиней», повествуется о том, как

Дыханье западного ветра ее перенесло
Над беспокойным морем, над вздыбленную пеной
На Кипр, волнами окруженный, на остров, что любимым
станет ей,
Где Оры ¹⁶¹ в украшениях золотых
Приветствовали радостно ее.

И вот она уже одета как богиня,
Ее ведут торжественно к бессмертным.
Дивились все они, увидев
В уборе из фиалок Киферею.

Римляне писали о ней аналогичным образом. С нею приходит красота. Перед ней несутся ветры, разгоняющие штормовые тучи; вырастают прекраснейшие цветы; смеются морские волны; ее саму окружает лучистый ореол. Без нее не бывает ни радости, ни очарования. Так ее предпочитают изображать поэты.

Но у нее есть другая сторона. Она не самым лучшим образом выглядит в той песне *Илиады*, в которой речь идет о битве героев. Здесь она – слабое создание, на которое смертный может напасть безбоязненно. В более поздних поэмах она представлена склонной к измене и злобной, готовой применить к людям смертельно опасные для них, разрушительные силы.

В большинстве мифов она – супруга Гефеста (Вулкана), хромого и безобразного бога-кузнеца.

Ее дерево – мирт, ее птица – голубь, а иногда – воробей и лебедь.

Гермес (Меркурий)

Его отец – Зевс, а мать – Майя, дочь титана Атланта. Бла-

годаря известной статуе его облик более знаком современнику, чем облик других богов. Он изящен и быстр в движениях. На его ногах – крылатые сандалии; крылышки есть и на его шапочке, и на его волшебном жезле, кадуцее. Он – вестник Зевса и, чтобы выполнить его поручения, может мчаться по воздуху со скоростью мысли.

Он – самый хитроумный из всех богов; кроме того, он – свехудачливый вор, вступивший на этот путь, когда ему еще не исполнилось и дня от роду.

Младенец, что родился на рассвете,
Успел еще до окончания дня
Украсть стада у Аполлона.

Зевс заставил его вернуть стада хозяину, и Гермес получил у Аполлона прощение, подарив ему лиру, только что сделанную им из панциря черепахи. Возможно, между этим очень древним мифом и тем фактом, что он был богом торговли и соответственно покровителем торговцев, существовала какая-то связь.

В странном противоречии с этой его ролью он выполнял также функции проводника душ, божественного герольда, сопровождавшего души в их последнее прибежище.

В мифах он появляется чаще, чем любой другой бог.

Арес (Марс)

Он – бог войны, сын Зевса и Геры, которого, по уверению Гомера, оба они просто ненавидели. Действительно, он ненавидим ими во всех песнях *Илиады*, хотя это – поэма о войне. Иногда герои с восторгом приветствуют появление Ареса на поле битвы, но намного чаще радуются тому, что им удалось ускользнуть от ярости беспощадного бога. Гомер называет его убийцей, воплощенным проклятием рода человеческого и, как ни странно, трусом, который криком кричит от боли и убегает с поля боя, будучи ранен. Арес появляется в сопровождении свиты, члены которой должны вдохновлять воинов на подвиги. Среди свиты – его сестра Эрида (богиня раздора) и ее сын Спор. Рядом с ним по полю боя шествует Энио (Беллона – богиня войны у римлян), а вместе с ней – Ужас, Трепет и Паника. Там, где они проходят, раздаются стоны, а земля покрывается потоками крови.

Римляне относились к Марсу лучше, чем греки к Аресу. Он никогда не был для них хнычущим богом из *Илиады*; в блестящем панцире, грозный, неуязвимый, в битвах он был просто великолепен. Воины из великой римской героической поэмы, *Энеиды*, совсем не гордились возможности ускользнуть от руки Марса; они гордились, если видели, что обречены пасть на «Марсовом поле славы». Они стремились к достойной смерти и находили «сладостной гибель на поле

брани».

Арес оставил немного следов в мифологии. В одном из мифов он – любовник Афродиты, пойманный ^[7] на потеху богам ее супругом Гефестом, но в большинстве случаев он – просто символ войны. У него нет выраженных личностных качеств, как у Гермеса, Геры или Аполлона.

Ему не воздают божеские почести ни в одном из городов. Греки туманно заявляли, что он – пришелец из Фракии, страны грубых и свирепых людей, расположенной к северо-востоку от Греции.

Его птица – гриф. По одной из версий, собака, узнав, что выбрана в качестве его животного, почувствовала обиду.

Гефест (Вулкан или Мулькибер)

Бог огня и кузнечного искусства, которого иногда называют сыном Зевса и Геры, иногда – одной только Геры, которая родила его в отместку Зевсу за то, что он в одиночку породил Афину. Среди бессмертных с их совершенной красотой он единственный был безобразным. Кроме того, он был хромым. В одном из эпизодов *Илиады* он рассказывает, что его бессовестная мать, увидев, что он родился уродом, выбросила его с неба. В другом месте он говорит, что это сделал Зевс, когда он, Гефест, пытался защитить мать. Вторая версия получила большую известность благодаря стихам Мильтона: Мулькибер был

Переброшен озлобленным Зевсом
Через зубцы высокой хрустальной стены.
С восхода падал он до полудня,
А потом еще целый день, а с новым закатом
На землю грохнулся он падучей звездой
На остров Лемнос, что в море Эгейском лежит.

Однако эти события, как предполагается, произошли в очень далеком прошлом. Во времена Гомера опасности быть изгнанным для Гефеста уже не существует; он в большой чести, он у бессмертных работник: оружейник и кузнец, заботящийся как о жилищах бессмертных, так и об их вооружении. В его мастерской трудятся выкованные им «золотые де-вы», которые в состоянии сами перемещаться и оказывают ему помощь в его трудах.

У более поздних поэтов его кузница нередко помещается под тем или иным вулканом, что время от времени вызывает их извержения.

В *Илиаде* его жена – одна из трех Граций; Гесиод называет ее Аглая. В *Одиссее* он женат на Афродите.

Гефест – добродушный, миролюбивый бог, уважаемый и на небесах, и на земле. Вместе с Афиной он заботится о жизни горожан. Оба покровительствуют ремеслам и тем занятиям, которые наряду с сельским хозяйством представляют собой основу цивилизации; он особо провительствует кузнецам, а она – ткачихам. Когда дети городских жителей полу-

чают гражданство города, богом соответствующей церемонии является Гефест.

Гестия (Веста)

Она – сестра Зевса и подобно Афине и Артемиде – богиня-девственница. Она не обладает сколько-нибудь ярко выраженной личностью и роли в мифах не играет. Она – богиня домашнего очага, символа дома, вокруг которого было необходимо обносить новорожденного младенца, прежде чем он становился признанным членом семьи. Каждая трапеза начиналась и завершалась возлиянием в честь Гестии.

Гестия милая, везде – и в чертогах богов, и в жилищах у смертных —

Высшая почеть: вино и в начале и трапезы перед концом
Тебе воздается – так, как это и должно,

И никогда без тебя ни люди, ни боги пира устроить не могут.

В некоторых городах существовал городской, общественный очаг, посвященный Гестии. Огонь в нем должен был поддерживаться непрерывно. При основании новой колонии туда перевозили угли из очага города-метрополии, с помощью которых и разжигался огонь в очаге нового города.

В Риме такой огонь поддерживали шесть жриц-девственниц. Их называли весталками.

Второстепенные боги Олимпа

Помимо двенадцати олимпийских богов на небесах жили и другие боги. Наибольшее значение из них имел бог любви Эрос (у римлян Купидон). Гомеру он неизвестен, но для Гесиода он

Самый прекрасный из числа бессмертных богов.

В ранних мифах он чаще всего изображается в виде красивого и серьезного молодого человека, раздающего людям добрые дары. Представление, которое составили о нем греки, наилучшим образом сформировал не поэт, а философ Платон. «Любовь – Эрос поселяется в сердце человека, но не в каждом сердце, поскольку там, где живет жестокость, он отступает. Его величайшая слава – в том, что он не может ни поступать дурно, ни позволять этого; сила никогда не идет с ним бок о бок, потому что все люди служат ему добровольно. И тот, кого коснулась Любовь, не ходит в потемках».

В самых древних версиях Эрос – не сын Афродиты, а скорее ее случайный попутчик. У более поздних поэтов он – ее сын; это – почти всегда испорченный и капризный ребенок, если не сказать хуже.

Зло в его сердце, но мед – на его языке.

Правды нет в нем ни капли, и в играх своих он жесток.

Слабы его ручки, но от стрелы из его колчана не уйти, как от смерти.

Хоть и тонки они, но и небосвода достигнут.

Так не трогай предательский дар, он отравлен любовным огнем.

Эроса часто изображают с повязкой на глазах, поскольку любовь слепа. Его спутник – Антер, который в одних случаях выступает как мститель за поруганную любовь, а в других, наоборот, выступает противником любви. Также известны Гимер (Желание) и Гименей (бог свадебных торжеств).

Геба – богиня юности, дочь Зевса и Геры. Иногда выступает в роли виночерпия на пирах богов; иногда эту роль выполняет Ганимед, молодой и красивый троянский царевич, похищенный и унесенный на Олимп Зевсовым орлом. Мифов о Гебе не существует, за исключением упоминания о ее свадьбе с Гераклом.

Ирида – богиня радуги и вестница богов; в *Илиаде* – только вестница. В этой роли может выступать также Гермес (впервые – в *Одиссее*), но он не занимает места Ир и-ды. Волю богов сообщают смертным попеременно то Ирида, то Гермес.

На Олимпе также живут две группы сестер: Музы и Грации.

Известны три Грации: Аглая (Сияющая), Евфросина (Благомыслящая) и Талия (Цветущая). Они – дочери Зевса и Эвриномы, дочери титана Океана. За исключением известного из Гомера и Гесиода эпизода со свадьбой Аглаи и Гефеста они не упоминаются как отдельные личности; их всегда упоминают вместе как трехкратное воплощение изящества и красоты. Когда они танцевали под лиру Аполлона, ими восхищались сами боги; человек же, которого они навещали, мог считать себя счастливым. Они «придавали жизни радость цветения». Вместе с Музами они были «царицами пения», и без них не обходилось ни одно пиршество.

Музы были дочерьми Зевса и Мнемосины (Памяти). Первоначально, как и Граций, их не отделяли друг от друга. «Все они, – говорит Гесиод, – одинаково мыслят, их сердца настроены на песнопения, и их души свободны от забот. Счастлив тот, кого любят Музы. Поскольку, если человек, на сердце у которого печаль и скорбь, слышит пение слуги Муз, он тотчас же забывает свои черные мысли и больше не вспоминает о своих заботах. Таков священный дар Муз людям».

Со временем каждая Муза стала покровительствовать вполне определенному искусству. Клио стала музой истории, Урания – астрономии, Мельпомена – трагедии, Талия – комедии, Терпсихора – танца, Каллиопа – эпической поэзии, Эрато – любовной поэзии, Полигимния – песнопений, посвященных богам, Эвтерпа – лирической поэзии.

Гесиод жил вблизи Геликона, одной из гор, посвященных Музам. Другими такими горами были Пиэр в Пиэрии, где они родились, Парнас и, конечно, Олимп. Однажды Музы предстали перед Гесиодом и заявили: «Мы знаем, как обманывать, чтобы в ложь поверили, но мы также умеем, когда захотим, говорить об истинных вещах». Они, как и Грации, – спутницы Аполлона, бога, говорящего только правду. Пиндар утверждает, что инструменты их столь же благозвучны, как и лира самого Аполлона. «Золотые лиры, которым подчиняются па танцора, есть как у Аполлона, так и у венчанных фиалками Муз». Вдохновенного Музами кифареда почитали гораздо больше, чем любого жреца.

Когда образ Зевса стал более величественным, рядом с ним на Олимпе появилось два божества: Фемида, что означает правосудие или Божественная справедливость, и Дике (Дика), то есть Человеческая справедливость. Однако они никогда не имели реальных личностных свойств. То же можно сказать и о двух персонифицированных комплексах эмоций, ценившихся у Гомера и Гесиода превыше всего. Это Немесида (Месть) и Эйдос, слово, труднопереводимое, но широко употребляемое греками. Оно означает благоговение перед моральными ценностями, смешанное с чувством стыда, которое удерживает людей от дурных поступков. Кроме того, оно означает чувство, которое богатый человек должен испытывать в присутствии обездоленного; это – не сострада-

ние, а осознание того, что различие между ним и этим беднягой не так уж и велико.

Однако ни Немесида, ни Эйдос, видимо, не обитают вместе с богами. Гесиод сообщает, что Немесида и Эйдос, спрятав свои прекрасные лица под белые одежды, покидают землю и присоединяются к бессмертным только тогда, когда люди окончательно подчиняются собственной злой воле.

Время от времени на Олимп возносились и некоторые смертные. Но как только они попадали туда, их имена исчезали из литературы. Их истории будут рассказаны позже.

Боги вод

Посейдон (Нептун) – повелитель и хозяин Моря (имеется в виду Средиземное море), а также Понта Эвксинского (Гостеприимное море, ныне – Черное). Под его властью также находились подземные реки.

Океан – титан, повелитель реки Океан, обтекающей Землю. Его жену, титаниду, зовут Тефис (Тефия). Океаниды, нимфы, живущие в этой реке, – их дочери. Боги всех прочих существующих на земле рек – их сыновья.

Понт, что означает Глубокое море, – сын матери-Земли и отец Неря, бога, гораздо более значительного, чем он сам.

Нерей – «морской старец», живущий в Средиземном море. «Бог достойный и мягкий; мыслит справедливо и добро, не лжет никогда», – говорит о нем Гесиод. Его жена – Дорида, дочь Океана. У них пятьдесят миловидных дочерей, морских нимф. По отцу их называют Нереиды. Одна из них, Фетида, – мать Ахилла, другая, Амфитрита, – супруга Посейдона.

Тритон – морской музыкант, трубящий в большую раковину. Он – сын Посейдона и Амфитриты.

Протей – по одной версии сын Посейдона, по другой – его спутник. Он может предсказывать будущее и произвольно изменять свой внешний вид.

Наяды – также водяные нимфы, живущие в ручьях, источниках и фонтанах.

Левкотея и ее сын Палемон – бывшие смертные, ставшие, как и Главк, морскими божествами. В мифологии большой роли не играют.

Подземный мир

Подземным царством правят один из двенадцати великих олимпийцев – Аид, или Плутон, и его супруга, царица Пер-

сефона. По имени его правителя этот мир часто также называют Аидом. В него, как указывает *Илиада*, с земли можно проникнуть через несколько секретных входов. Согласно *Одиссее*, путь туда проходит по Океану и ведет через вход, расположенный на самом краю света. У более поздних поэтов попасть в Аид можно через различные входы, расположенные в расселинах земли и близ глубоких озер.

Тартар и Эреб иногда рассматриваются как две разные области подземного царства. Тартар глубже; он служит местом заключения для детей Земли; в Эреб души попадают сразу же после смерти их обладателей. Однако нередко различия между тем и другим не проводятся и в качестве обозначения подземного царства используется любое из этих названий, в особенности Тартар.

Согласно Гомеру, подземный мир – это мрачный и вместе с тем туманный мир, унылый, тусклый, населенный тенями. Там нет ничего реального. Тени мертвых влачат там самое жалкое существование, напоминающее кошмарный сон. Более поздние поэты рисовали царство мертвых более четко – как место, где нечестивцы подвергаются наказанию, а добродетельных людей ожидает вознаграждение. У римского поэта Вергилия эта идея выражена в таких подробных деталях, каких нет ни у одного грека. Все мучения злодеев и радости праведников описаны у него с большой убедительностью. Вергилий, кроме того, – единственный поэт, ясно излагающий географию этого места. Дорога в него ведет к

месту слияния Ахеронта, реки горестей, и Кокита, реки стеланий. Старик перевозчик по имени Харон перевозит души мертвых на противоположный берег, где стоят адамантовые ворота Тартара (Вергилий предпочитает это название). Харон берет в свою лодку души только тех, в рот которым была заранее вложена плата за перевоз и которые были погребены должным образом.

Перед воротами Тартара на страже стоит Кербер, трехголовый пес с хвостами в виде змей, который впускает все души, но не выпускает ни одной. По прибытии в подземное царство душа предстает перед тремя судьями: Радамантом, Миносом и Эаком, которые выносят приговор и посылают грешников на вечные муки, а праведников – на благословенные Елисейские поля.

Помимо Ахеронта и Кокита в Тартаре текут еще три реки, отделяющие подземный мир от верхнего, солнечного: Флегетон, огненная река; Стикс, река, название которой входит в слова клятвы, которой клянутся боги; и Лета, река забвения.

Где-то посередине огромной области находится дворец Плутона, но кроме того, что в нем множество дверей и он всегда заполнен многочисленными гостями, о нем ничего не известно. Вокруг него простираются обширные пустыни, унылые и холодные, и луга из асфodelей, удивительных бледных, похожих на призраки цветов. Больше о дворце Плутона поэты ничего не сообщают, предпочитая не задерживаться в этом мрачном и унылом жилище.

Эринии (Фурии) помещены Вергилием в подземный мир, где они наказывают злодеев. Греческие же поэты мыслили их как преследовательниц грешников на земле. Они неумолимы, но справедливы. Как говорил Гераклит, «если со своего пути сойдет само Солнце, Эринии набросятся и на него». Обычно считается, что Эриний было три: Тисифона, Мегера и Алекто.

Морфей (Сон) и его брат Танат (Танатос – Смерть) также обитают в подземном мире. Оттуда и поднимаются к людям сны. Правдивые сны через роговые ворота, а ложные – через ворота из слоновой кости.

Второстепенные боги земли

Землю греки называли всеобщей матерью, но в действительности – она божество. Как божество, она никогда не отделялась от собственно Земли и вместе с тем персонифицировалась. Богиня плодородия Деметра (Церера), дочь Крона и Реи, и бог вина, виноградарства и виноделия Дионис, известный также под именем Вакх, – основные божества мира Земли, играющие очень важную роль в греческой и римской мифологии. Их истории будут изложены в следующей главе. Прочие известные божества большого значения практически не имели.

Пан был главным из них. Он – сын Гермеса; гомеровские гимны в его честь называют Пана шумливым и веселым божеством. Отчасти он – животное с козлиными рогами и копытами вместо ступней. Бог пастухов овечьих и козьих стад, а также веселый участник танцев лесных нимф. Его прибежище – все дикие, запущенные места, леса и горы, но больше всего он любит место своего рождения, Аркадию. Он – превосходный музыкант. Из своей тростниковой свирели он в состоянии извлекать мелодии, подобные трелям соловья. Он всегда влюблен в ту или иную нимфу, но его любовь всегда отвергают из-за его безобразного лица.

Звуки, которые по ночам слышат в лесной чаще дрожащие от страха путники, как считают, издает он. Отсюда легко установить происхождение выражения «панический страх».

Силен иногда считается сыном Пана, а иногда его братом, сыном Гермеса. Он – веселый старый толстяк, который обычно разъезжает на осле, потому что слишком пьян, чтобы ходить пешком. Его связывают как с Вакхом, так и с Паном. Силен опекал и обучал Вакха, когда бог виноградарства был еще молодым и, как показывает его непрерывное пьянство, перестав быть учителем, стал достойным последователем Вакха.

Наряду с этими действующими на земле богами большой известностью пользуются братья Кастор и Полидевк (Пол-

лукс), которые в большинстве мифов проводят одну половину времени на земле, а другую – на небе.

Они – сыновья Леды; их обычно считают божествами, особенно покровительствующими мореходам. Они -

Покровители быстрых судов,
Когда бури, ветра штормовые
Бушуют над яростным морем.

Они известны и как мощные помощники и спасители в бою. Их особенно почитают в Риме, где они рассматривались как

Великие близнецы,
Пред кем все дорийцы склонились.

Но рассказы о них довольно противоречивы. Иногда богом считается только Полидевк, а Кастор предполагается смертным, получившим свое «половинное» бессмертие только вследствие братской любви Полидевка.

Леда – жена спартанского царя Тиндарея, согласно традиционной версии родившая двух смертных детей от него (Кастор и Клитемнестра, жена Агамемнона) и двух бессмертных (Полидевк и Елена^[8], виновница падения Трои) от Зевса, явившегося к ней в виде лебедя. Тем не менее сводных братьев Кастора и Полидевка часто называют сыновьями Зевса. Их греческое имя, под которым они наиболее известны, –

Диоскуры, что означает «отроки Зевса». Вместе с тем их также называют «сыновьями Тиндарея», Тиндаридами.

Обычно считается, что они жили в эпоху, предшествующую Троянской войне, в одно время с Тесеем, Ясоном и Аталантой. Они принимали участие в охоте на калидонского вепря и в походе аргонавтов за золотым руном; кроме того, известно, что они спасли Елену, похищенную Тесеем. Во всех мифах они не играют значительной роли, за исключением рассказа о смерти Кастора, когда Полидевк доказал свою братскую любовь и преданность.

Однажды, уж неизвестно, по какой причине, братья вторглись во владения хозяев крупных стад скота, Идаса и Ликкея. Там, как сообщает Пиндар, Идас, рассердившись из-за кражи его быков, убил Кастора. Другие же авторы говорят, что причиной ссоры были дочери царя этой страны Левкиппа. Полидевк заколол Ликкея, а Зевс поразил Идаса своим перуном. Кастор был мертв, и безутешный Полидевк умолял отца позволить ему тоже умереть. Зевс, сжалившись, разрешил ему поделить жизнь пополам с братом и

Жизни свою половину проводить под землею,
А половину другую – в чертогах небесных.

Согласно этой версии, братья больше уже никогда не покидали друг друга. Один день они проводили в Аиде, а другой на Олимпе, всегда появляясь вместе.

Позднегреческий автор Лукиан дает иную версию, согласно которой для обитания им предоставлены и земля и небо, но когда Полидевк отправляется на небо, Кастор должен пребывать на земле, так что они никогда не встречаются друг друга. В маленькой сатире Лукиана Аполлон спрашивает Гермеса:

– А скажи, почему мы никогда не видим Кастора и Полидевка одновременно?

– Видишь ли, – отвечает Гермес, – они так привязаны друг к другу, что, когда судьба приказала одному из них умереть, а бессмертным был только один из них, они решили разделить бессмертие между собой.

– Не слишком мудро, Гермес. А чем они, кстати, могут заниматься? Я предсказываю будущее, Асклепий излечивает болезни, ты – хороший вестник, а эти двое все время так и бездельничают?

– Нет, конечно. Они состоят на службе у Посейдона. Их дело выручать корабли из беды.

– А, теперь ты хоть что-то сказал. Я рад, что они нашли себе такое хорошее занятие.

Им посвящены две звезды: Близнецы. Их часто изображают скачущими на великолепных белых конях, но Гомер отличает Кастора за его умение обращаться с конями. Он характеризует братьев следующим образом:

Кастор, коней укротитель, и Полидевк, знаменитый

кулачный боец.

Силены^{9} – полулюди-полулошади. Они передвигаются на двух, а не на четырех ногах, но часто имеют копыта вместо ступней, иногда лошадиные уши и всегда – лошадиные хвосты. Специальных мифов о них не существует, но их часто можно видеть на греческих вазах.

Сатиры, как и Пан, – полулюди-полукозлы, живут в диких местах.

В противоположность этим богам, имеющим нечеловеческие черты и качества и физически безобразным, богини лесов отличаются прелестными женскими формами. Это – Дриады, иногда известные как Гамадриады; жизнь каждой Гамадриады зависит от жизни ее дерева.^{10}

Эол, владыка ветров, также живет на земле, на острове Этолия. Собственно говоря, он только повелитель ветров, так сказать, вице-король богов. Главные четыре ветра – это Борей, северный ветер (Аквилон у римлян); Зефир, западный ветер (Фавоний); Нот, южный ветер (Аустер); Эвр, восточный ветер (по-латыни он – тоже Эвр).

Известны также некие обитавшие на земле существа, не имевшие ни полной человеческой, ни полностью божествен-

ной природы. Назовем главных из них.

Кентавры – это наполовину люди, наполовину кони. По большей части они были дикими существами, скорее напоминавшими своим поведением животных, чем людей. Правда, один из них, Хирон, был общеизвестен своей добротой и мудростью.

Горгоны также относились к обитателям земли. Их было три; две из них были бессмертны. По виду они напоминали крылатых драконов; их взгляд обращал людей в камень. Их отцом был Форкис, сын неба (Урана) и земли (Геи)^{11}.

Грайи, сестры Горгон, три седовласые женщины, имевшие только один глаз на троих. Жили на дальнем берегу Океана.

Сирены жили на острове посреди моря. Своим пением они заманивали мореходов на верную смерть. На что они походили, неизвестно, потому что тот, кто их видел, назад не возвращался^{12}.

Гораздо более важными силами, правда не привязанными к какому-либо месту обитания ни на земле, ни на небесах, были Судьбы (Мойры по-гречески, Парки по-латыни). Согласно Гесиоду, они при рождении человека определяли меру добра и меру зла, которые ему предстоит испытать на жиз-

ненном пути. Их было три: Клото («прядущая нить жизни»), Лахесис («дающая жребий»), назначающая жребий человеку, и Атропос («неотвратимая»), державшая в руках «жуткие ножницы» и перерезавшая нить жизни.

Римские боги

В Риме двенадцать великих олимпийцев превратились в римлян. Влияние греческого искусства и литературы там настолько было велико, что древние римские божества приобрели черты сходства с соответствующими греческими богами, а затем полностью с ними слились. Большинство из них, правда, имели римские имена: это Юпитер (Зевс), Юнона (Гера), Нептун (Посейдон), Веста (Гестия), Марс (Арес), Минерва (Афина), Венера (Афродита), Меркурий (Гермес), Диана (Артемида), Вулкан или Мультибер (Гефест), Церера (Деметра).

Двое из них сохранили свои греческие имена: Аполлон и Плутон; причем второй из них никогда не назывался в Риме Аидом. Бог вина, виноградарства и виноделия Вакх (но никогда Дионис!) имел также и латинское имя: Либер.

Принять греческий пантеон богов римлянам было довольно легко, поскольку их собственные боги не были достаточно персонифицированы. Римляне обладали глубоким религиозным чувством, но не слишком большим воображением. Они никогда бы не сумели создать образы олимпийцев —

каждого с живыми, четко выраженными чертами. Своих богов, прежде чем тем пришлось уступить место греческим, они представляли себе довольно туманно, едва ли более ярко, чем просто «тех, кто находится наверху». Их называли общим, собирательным именем: Нумины (Numina), что полатыни означает Силы или Воли, быть может, Воли-Силы.

Пока греческие литература и искусство не проложили себе путь в Италию, римляне не испытывали нужды в красивых, поэтичных богах. Они были людьми практики и не очень беспокоились «о музах в венках из фиалок» или «лиричном Аполлоне, что сладкие мелодии извлекает из лиры своей» и т. п. Они хотели поклоняться прагматичным богам. Так, важной Силой в их глазах был «тот, кто охраняет колыбель». Еще одной такой Силой был «тот, кто распоряжается детской пищей». Мифы о них никогда не слагались. По большей части никто даже не знал, какого они пола – мужского или женского. С ними были связаны простые акты повседневной жизни; эти боги придавали им определенное достоинство, чего нельзя было сказать о греческих богах, за исключением Деметры и Диониса.

Наиболее известными и почитаемыми из них были Лары и Пенаты. Каждая римская семья имела своего лара, духа предка, и несколько пенатов, хранителей очага и стражей домашнего хозяйства. Это были собственные боги семьи, принадлежащие только ей, ее самая важная часть, защитники и покровители дома. Им никогда не возносили молений в хра-

мах; это делали только дома, где во время каждой трапезы им предлагалась некоторая толика пищи. Были также и общественные лары и пенаты, выполнявшие по отношению к городу те же функции, что и личные – к семье.

Существовало также множество Воль-Сил, связанных с ведением домашнего хозяйства: например, Термина, страж границ; Приап, бог-податель плодородия; Палее, покровительница домашнего скота; Сильван, помощник пахарей и дровосеков. Их перечень довольно обширен. Все, что было важно для ведения хозяйства, находилось в ведении некоей благодетельной силы, которой никогда не придавалась какая-либо определенная форма.

Сатурн был одной из этих Воль-Сил – покровителей сеятелей и посевов, а его супруга Опе выступала в качестве помощницы сборщиков урожая. В более позднюю эпоху Сатурна стали отождествлять с греческим Кроном и считать отцом Юпитера, греческого Зевса. Таким образом, ему были приданы личностные свойства; о нем был сложен ряд мифов. В память о «золотом веке», когда он правил в Италии, каждый год зимой в Риме устраивался праздник – Сатурналии. Его идея состояла в том, что на время празднеств на землю возвращается «золотой век». В это время запрещалось объявлять войну; рабы и хозяева совершали трапезу за одним столом; наказания откладывались; все дарили друг другу подарки. В человеческом мозгу таким образом поддержи-

валась мысль о равенстве людей, о том времени, когда все находились на одном и том же общественном уровне.

Янус первоначально тоже был одной из таких Воль-Сил, точнее, «божеством добрых начинаний», которые, естественно, должны заканчиваться также хорошо. Со временем он в определенной мере персонифицировался. Фасады его главного храма в Риме выходили на восток и на запад, то есть туда, где восходит солнце и где оно заходит; храм имел две двери, между которыми стояла статуя Януса с двумя лицами: старым и молодым. Если Рим находился с соседями в состоянии мира, обе двери были закрыты. За первые семьсот лет существования Рима они закрывались всего три раза: в правление доброго царя Нумы Помпилия, после Первой пунической войны в 241 г. до н. э. и в правление императора Августа, когда, по словам Мильтона,

Ни грома войн, ни кликов битв
Уж слышно не было в подлунном мире.

Естественно, новый год начинался с месяца, посвященного Янусу, то есть с января.

Фавн был внуком Сатурна. Он представляет собой что-то вроде греческого Пана; это был довольно грубоватый, неотесанный бог. Впрочем, он обладал также пророческим даром и являлся людям во сне. Фавны стали римскими сатирами.

Кви́рин – имя обожествленного Ромула, основателя Рима^{13}.

Маны – это души находящихся в Аиде праведников. Иногда их считали божественными и поклонялись им.

Лемуры или Ларвы – души грешников и злодеев; их очень боялись.

Камены – первоначально весьма полезные с практической точки зрения богини, заботившиеся об источниках, водах и пр., целили болезни и предсказывали будущее. С приходом в Рим греческих богов были отождествлены с всем непрагматичными Музами, которые покровительствовали только искусству и науке. По одной из версий Эгерия, дававшая советы царю Нуме Помпилию, была такой Каменной.

Луцина иногда рассматривается как римская богиня-родовспомогательница; однако обычно это имя используется как эпитет к именам Юноны или Дианы.

Помона и Вертумн первоначально считались Волями-Силами, покровительствующими садоводству и огородничеству. Позднее они были персонифицированы и был даже сложен миф о том, как они полюбили друг друга.

Глава 2

Великий бог и Великая богиня земли

Большинство смертных не видело в бессмертных богах особой для себя пользы. Иногда речь шла о совсем обратном: Зевс был опасным ловцом земных девушек и божеством, которое к тому же могло воспользоваться своим ужасающим перуном в любой момент времени и совершенно непредсказуемо; Марс был поджигателем войны и всеобщим наказанием; Гера не желала иметь никаких представлений о справедливости, впадая в состояние ревности, а в этом состоянии она пребывала постоянно; Афина также была склонна затевать войну и пускала в дело свое исторгающее молнии копьё столь же безответственно, как и ее отец Зевс; Афродита употребляла свою силу главным образом для того, чтобы заманить и обмануть легковверных. Конечно, олимпийцы представляли собой очень милое, даже блистательное сообщество, и их похождения создали основу для великолепных мифов; но и в тех случаях, когда они определенно не приносили вреда, они вели себя довольно капризно и своевольно, так что в целом смертные предпочли бы обходиться вообще без них.

Однако было два бога, точнее, бог и богиня, которые проявляли себя истинными друзьями человечества. Это богиня урожая Деметра (у римлян Церера), дочь Крона и Реи, и Ди-

онис (Вакх), бог вина, виноделия и виноградарства. Деметра старше Диониса, что вполне естественно, – ведь хлеб начали сеять гораздо раньше, чем появилось виноградарство. Появление первого поля ознаменовало переход к оседлой жизни на земле. Виноградники появились много позже. Вполне естественно, что божественная сила, пробуждающая к жизни зерно, персонифицировалась как богиня, а не как бог. Если основным занятием мужчин были охота и война, то о полях заботились женщины. Разрыхляя почву, засеивая ее и собирая потом урожай, они прекрасно осознавали, что их женскому труду может помочь только богиня. Они могли также верить, что ей нужно выражать особое почтение – совершать скромные священнодействия, что способствовало повышению плодородия земли, – а не приносить ей столь любимые мужчинами кровавые жертвы. Благодаря ей освящалось хлебное поле, где произрастало «священное зерно Деметры». На священном току, на котором женщины веяли зерно, сама Деметра, богиня с волосами цвета спелой пшеницы, отделяет под порывами ветра зерно от мякины, и гряда мякины постепенно белеет. «Да удастся мне, – молится жрица, – собрать рядом с алтарем Деметры самое большое количество провеянного зерна, и да стоит она, улыбаясь, рядом со снопами и маками в руках».

Основной праздник в честь Деметры, естественно, устраивался во время уборки урожая. В седой древности это мог быть скромный день благодарения, когда преломлялся пер-

вый каравай хлеба, выпеченного из зерна нового урожая, и с почтением съедался под благодарственные молитвы, возносимые богине, от которой исходил этот наилучший, самый ценный в человеческой жизни дар. Позднее этот скромный праздник перерос в пышные мистерии в честь богини, о которых мы знаем очень немного. Большие же торжества устраивались в сентябре каждые пять лет, но зато они длились девять дней. Это были самые священные дни года, когда приостанавливались основные повседневные работы. По улицам ходили торжественные процессии, совершались жертвоприношения, завершаемые танцами и пением, везде царило всеобщее ликование. Все это было достоянием гласности и описано многими авторами. Но основная часть церемонии, совершаемая полностью на особой прилегающей к храму территории, не была описана никогда. Те, кто на ней присутствовал, были связаны обетом молчания, который они хранили настолько хорошо, что мы теперь можем представить себе лишь небольшие обрывки того, что происходило в действительности.

Большой храм Деметры находился в Элевсине, маленьком городке близ Афин, и само празднество именовалось поэтому Элевсинскими мистериями. Во всем греческом, да и в римском мире к ним относились с большим благоговением. Цицерон, писавший о них в I в. до н. э., сообщает: «Нет ничего выше, чем эти мистерии. Они облагородили наши характеры и смягчили наши обычаи; они заставили нас перей-

ти от условий жизни дикарской к жизни истинно человеческой. Они не только показали нам, как можно жить радостно, но и научили, как умирать с большей надеждой».

И несмотря на то что эти мистерии были священными и внушающими трепет, они сохранили признаки того времени, из которого вышли. Согласно одному из свидетельств, которым мы о них располагаем, в самый торжественный момент церемонии ее участникам «демонстрировали и зерно, в молчании созревшее».

Однажды, теперь уж никто не знает, когда и по какому поводу, в Элевсине поселился бог вина Дионис, чтобы занять место рядом с Деметрой. Увидев,

Как рядом с Деметрой под звуки кимвалов
Пышнокудрый Дионис восходит на трон,

никто, видимо, особого удивления не выразил. Вполне естественно, что торжества в их честь следовало объединить. Действительно, оба они – божества, несущие людям дары земли, оба незримо присутствуют при совершении повседневных действий, от которых зависит человеческая жизнь: при преломлении хлеба и разливании вина. Время сбора винограда, когда его ягоды подаются на давяльный пресс, было праздником Диониса.

Бог радости Дионис, ярчайшая звезда,
Восшедшая в дни сбора винограда.

Но Дионис не всегда был радостным богом, как и радующаяся летом Деметра не всегда бывала счастливой. Каждый из них познал как радость, так и боль. Также и в этом отношении они были тесно связаны друг с другом. Прочих бессмертных никогда не касалось длительное горе. «Живя на Олимпе, где никогда не дует ветер, и не выпадает дождь, и с неба не слетает ни одна даже самая крошечная снежинка, они счастливы день за днем, вкушая нектар и амброзию, радуясь сладкогласным звукам серебряной лиры Аполлона и отвечающим ему нежным голосам Муз, радуясь танцу Граций с Гебой и Афродитой и окружающему всех их лучезарному сиянию». Но два божества, теснее всех связанные с землей, знали раздирающую сердце боль.

Что случается с пшеницей и великолепными виноградными лозами, когда хлеб убран, виноградные кисти срезаны и наступают лютые морозы, убивающие молодую зелень на полях? Этим вопросом и задавались люди, слагая первые мифы в попытке объяснить то таинственное, те изменения, которые регулярно происходили перед их глазами: смену дня и ночи, смену сезонов, движение звезд по их небесным путям. Хотя Деметра и Дионис и были счастливы летом при сборе урожая, зимой, очевидно, они должны были чувствовать себя совершенно иначе. Они были в печали, и вместе с ними печалилась вся земля. Древние дивились тому, почему это должно было происходить, и, пытаясь объяснить смысл со-

бытий, рассказывали друг другу соответствующие мифы.

Деметра (Церера)

Эта история излагается только в одной из очень ранних поэм, точнее, в одном из самых ранних гомеровских гимнов, датированном VIII или началом VII в. до н. э. Оригинал несет на себе следы ранней греческой поэзии: простоту, прямоthu изложения и восторг перед чудесным окружающим миром.

У Деметры была единственная дочь Персефона (у римлян – Прозерпина), только что вступившая в пору своей весны. Деметра утратила ее и в своем ужасном горе перестала ниспосылать свои дары земле, которая немедленно превратилась в замерзшую пустыню. Зеленая цветущая земля, покрывшись ледяной коркой, оказалась безжизненной, поскольку не стало Персефоны.

Ее похитил владыка мрачного подземного мира, повелитель мириад душ, когда она, соблазнившись чудесным цветом нарцисса, отбежала слишком далеко от подруг. В своей колеснице, запряженной черными, как уголь, конями, он взлетел из расселины в земле и, схватив девушку за запястье, усадил ее рядом с собой. И тотчас же унес, отчаянно плачущую, в подземный мир. Ее крики отразили высокие холмы и морские глубины, и эти крики донеслись до матери. Разыскивая дочь, Деметра летала как птица над морем. Но

никто не сказал ей правды – ни человек и ни бог, ни надежный «пернатый посланник». Девять дней провела Деметра в странствиях, и все это время она не вкушала амброзии, не подносила к губам сладкий нектар. Наконец она пришла к Гелиосу, и тот дал ей прямой ответ: Персефона – в подземном мире, в царстве теней.

Похищение Персефоны (Прозерпины)

Страшная боль вошла в сердце Деметры. Она покинула Олимп и стала жить на земле, изменившись так, что никто не мог узнать ее, да смертным вообще трудно распознать божество. В своих одиноких странствиях она как-то дошла до Элевсина и присела отдохнуть на обочине дороги у колодца. Она выглядела пожилой женщиной, из тех, кто в богатых домах присматривает за детьми или надзирает за кладовыми. Четверо сестер, милостивых девушек, собиравшихся набрать воды из колодца, увидели ее и поинтересовались, что она здесь делает. Та ответила, что ей удалось убежать от пиратов, которые собирались продать ее в рабство, и теперь, попав в эту чужую для нее страну, она даже не знает, к кому обратиться за помощью. Девушки ответили, что в городе ее с радостью примут в любом доме и, если только она согласится подождать, пока они сходят спросить свою мать, с удовольствием приведут бедную женщину к себе. Богиня кивнула в знак согласия, и девушки, наполнив водой свои сверкающие кувшины, заспешили домой. Их мать, Метанира, приказала им немедленно возвращаться и пригласить странницу в дом, и, поспешив назад, они нашли славную женщину по-прежнему сидящей на том же месте, закутавшейся в покрывало и прикрывшей себя темным плащом до самых своих изящных ножек. Она последовала за ними, и когда, переступив

порог, вошла в помещение, где сидела хозяйка дома, держа на руках младенца-сына, небесный свет разлился в дверном проеме и благоговейный страх овладел Метанирой.

Она пригласила Деметру присесть и сама предложила ей медового вина, но богиня не вкусила его. Вместо него она попросила сдобренного мятой ячменного отвара, глоток которого выпивают жницы во время жатвы, а также сакральный кубок, который вручают в Элевсине почитателям богини. Освежившись ячменным отваром, она взяла ребенка у матери и прижала его к своей благовонной груди, и возрадовалось материнское сердце Метаниры. Вот так Деметра начала нянчить малютку Демофонта, которого Метанира родила мудрому Келею. А младенец возрастал, как подобает молодому богу, потому что каждый день Деметра умашала его амброзией, по ночам держала его в пламени огня. Она хотела сделать мальчика бессмертным.

Однако что-то заставило обеспокоиться мать ребенка, и однажды ночью она решила не спать и в ужасе закричала, увидев свое дитя лежащим среди языков пламени. Богиня разгневалась; она выхватила ребенка из огня и положила его на пол. Она же собиралась освободить его от бремени старости и от самой смерти, но испуганная мать этому помешала. Он по-прежнему лежал на коленях богини и спал в ее объятиях, и поэтому ему предстояло пользоваться почетом и уважением людей в течение всей его жизни.

А затем она решила заявить о том, что на самом деле она

– богиня. Сама красота, казалось, задышала вокруг нее своим дыханием; тело же Деметры начало источать ароматы; от нее исходило сияние, так что весь дом Метаниры наполнился светом. И она объявила пораженным страхом женщинам, что она – Деметра. Элевсинцы должны выстроить большой храм близ города и таким образом вернуть себе ее расположение. Они охотно согласились выстроить ей храм, и когда он был завершен, Деметра вошла в него и уселась внутри – отдельно от богов Олимпа, в одиночестве, – она чахла от тоски по дочери.

Этот год стал самым ужасным, самым жестоким для человечества по всей земле. Нигде ничего не росло; не взошло ни одно зерно; напрасно быки тянули за собой плуги по полям. Похоже, весь род человеческий должен был вымереть от засухи. Наконец Зевс убедился, что за дело должен приняться он сам. Он – одного за другим – посылал к Деметре богов, чтобы смягчить гнев богини, но она не хотела выслушать ни одного из них. Она никогда не позволит земле снова плодоносить, пока не увидит свою дочь. И Зевс понял, что его брату придется уступить. Он приказал Гермесу спуститься в подземный мир с приказом его владыке отпустить свою молодую жену к Деметре.

Гермес нашел молодую чету спящими. Правда, Персефона держалась по отношению к мужу несколько отчужденно – она тосковала по матери. Услышав слова Гермеса, она даже подпрыгнула от радости, готовая отправиться в путь хоть

сию минуту. Ее супруг понимал, что обязан подчиниться слову Зевса и немедленно отослать Персефону к матери, но, когда она уже покидала его, он умолил ее не думать о нем плохо и не печалиться, потому что она – жена одного из самых великих бессмертных. На прощанье он заставил ее проглотить зернышко граната, зная, что после этого она должна будет к нему вернуться.

Он приказал запрячь свою золотую колесницу, Гермес принял вожжи и погнал черных коней прямо к храму, где находилась Деметра, а та выскочила из храма встретить свою дочь с такой скоростью, с которой менады мчатся вниз по склону холма. Персефона же бросилась в ее объятия. Весь день они проговорили о том, что произошло с ними обеими, и Деметра опечалилась, услышав о зернышке граната и испугавшись, что она не удержит дочь при себе.

Затем Зевс направил к ней еще одного посланца. Им была не кто иная, как его достопочтенная матушка Рея, самая старшая из богинь. Сойдя с высот Олимпа и пролетев над бесплодной, лишенной какой-либо зелени землей, она предстала перед дверью храма и обратилась к Деметре:

Пойдем, дочь моя, – так приказал всевидящий Зевс-громовержец,

Вновь придешь ты в чертоги богов, где будешь воспринята с честью.

С Персефоною там ты печали свои успокоишь —

Ведь у каждого года конец есть, как и у каждой зимы.

Только третью часть года она пусть проводит в Аиде,
Остальное же время ей суждено с богами бессмертными
жить.

А теперь успокойся и подай людям благо – то, что от тебя,
ненаглядной, исходит одной.

Деметра не отказывалась, хотя особой радости это ей не доставило. Действительно, она должна была терять Персефону каждый год на четыре месяца, наблюдая, как юное и прелестное создание вынуждено спускаться в царство смерти. Но она была добра – не зря люди всегда называли ее «доброй богиней». Она сожалела о тех опустошениях, которые произвела на земле. Заставила поля снова дать богатый урожай, и весь мир покрылся цветами и зеленой листвой. Потом она отправилась к царям Элевсина, выстроившим ей храм, и выбрала одного из них, Триптолема, в качестве своего посланника к людям, чтобы он научил их, как нужно засеивать поля. Она обучила его, Келея и еще несколько человек своим священным ритуалам, «мистериям, о которых не смеет говорить никто, поскольку глубокий страх сковывает его язык. Благословен тот, кто их видел, и его участь да пребудет благой в мире ином».

Царица Элевсина благодатного
И благ земных подательница всех,
Яви ж свою нам снова милость, о, Деметра,
А с ней и ты, прекраснейшая Персефона!

Ты дев земных всех краше,
И в честь твою я песнь свою слагаю!

* * *

В рассказах о Деметре и Персефоне доминирует идея печали. Деметра – не только богиня урожая, но и в еще большей степени божественная мать, страдающая оттого, что каждый год видит свою дочь умирающей. Персефона же – «дева-повелительница весны и лета», одного легкого шага которой по сухим выжженным холмам достаточно для того, чтобы они вновь покрылись свежей зеленью.

Весны цветоносной я слышу шаги...

Так пишет о шагах Персефоны Сапфо. Но как бы там ни было, Персефона хорошо знала, сколь кратковременна вся эта красота; плоды, цветы, листва, весь зеленый убор земли исчезнет с приходом холодов и, как и она, попадет в объятия смерти. С того самого дня, как ее похитил владыка подземного царства, она – уже совсем не то веселое юное создание, которое когда-то играло на цветущем лугу, не думая ни о малейшей опасности. Правда, она каждую весну восстает из мертвых, но ведь она не забывает, откуда является на землю. При всей красоте в ее лице есть что-то странное, распро-

стражающее ужас вокруг нее. Ее часто называют девой, «чье имя не смеешь произносить».

Олимпийские боги были счастливыми бессмертными. Они были очень далеки от страданий простых людей, обреченных на смерть. Но пусть в дни горя и в час смерти люди с состраданием посмотрят на богиню, которая была охвачена своим глубоким горем и обречена на многократную смерть.

Дионис (Вакх)

История Диониса очень отличается от истории Деметры. Из всех богов Дионис пришел на Олимп последним. Гомер не знает его. Какие-либо ранние сведения о жизни Диониса отсутствуют — за исключением кратких намеков у Гесиода, которые относятся к IX или VIII в. до н. э. Последний гомеровский гимн, написанный, быть может даже, в IV в. до н. э., содержит эпизод с пиратским кораблем, а судьба Пенфея излагается в последней пьесе Еврипида, наиболее близкого к современности из всех греческих поэтов.

Дионис, сын Зевса и царевны Семелы, родился в Фивах. Он был единственным из богов, родитель которого был простым смертным.

Только в Фивах смертные женщины могут
Бессмертных богов порождать.

Виной тому, что Семела была самой несчастной женщиной из всех тех, в кого влюблялся Зевс, как всегда, была Гера. Он был безумно влюблен в царевну и обещал ей выполнить любое желание, при этом поклявшись рекой Стикс. Эту клятву даже он не осмелился бы нарушить. Она же заявила ему, что больше всего хотела бы увидеть его во всем могуществе, при всех атрибутах царя богов и повелителя громов и молний. Это желание было вложено в ее сердце Герой. Зевс знал, что ни один смертный не в состоянии увидеть его в таком обличье и остаться в живых, но подделать он уже ничего не мог. Ведь он поклялся Стиксом. Зевс явился именно в том обличье, о котором просила Семела, но, увидев этот апофеоз всежигающего огня, она умерла. Зевс успел выхватить из огня ребенка, который уже должен был вот-вот родиться, и тайком от Геры зашил в собственное бедро, где тот пробыл, пока ему не пришло время появиться на свет. После этого Гермес препоручил его заботам нимф Нисской долины, самой прелестной долины на земле. Правда, никто никогда ее не видел и не может сказать, где она находится. По одной из версий этими нимфами были Гиады, которых Зевс впоследствии поместил на небе в виде созвездия, которое предвещает дождь, если находится низко над горизонтом.

Таким образом, бог вина был рожден в огне и обихожен дождями – огненная жара, нужная для вызревания винограда, и влага, поддерживающая жизнь в лозе.

Достигнув зрелости, Дионис постраниствовал по разным

удивительным местам. В частности, ему пришлось путешествовать

По Лидии златообильной, по Фригии тоже.
По выжженной солнцем Персиде,
Вдоль стен величавых бактрийских,
По землям мидян, продуваемым всеми ветрами,
И по Аравии благословенной.

Он повсюду учил людей виноградарству, а также мистериям, которые следует устраивать в его честь, и везде, куда он приходил, его встречали как бога. Так продолжалось до тех пор, пока он не подошел к пределам родной страны.

Однажды невдалеке от берегов Греции проходил пиратский корабль. На высоком мысу пираты заметили красивого юношу. Его густые темные волосы свисали на пурпурный плащ, прикрывавший сильные плечи. Он выглядел как царевич, и его родители, вероятно, могли заплатить за него богатый выкуп. В восторге пираты попрыгали на берег и схватили юношу. На корабле они достали крепкие веревки, чтобы связать пленника, но, к большому их удивлению, не смогли этого сделать: веревки не держались и падали, едва коснувшись его рук или ног. А он сидел и с улыбкой смотрел на них, прищулив черные глаза.

Из всех пиратов только один кормщик понял, в чем дело, и тотчас же закричал, что это, должно быть, бог и его следует тотчас же освободить, иначе всех их постигнет смертель-

ная беда. Но капитан назвал его глупцом и приказал команде немедленно поднять парус.

Ветер наполнил его, но корабль не трогался с места. А потом чудеса начали следовать одно за другим. По палубе потоками потекло ароматное вино, над парусом протянулась виноградная лоза со множеством гроздьев, а темно-зеленый плющ обвился вокруг мачты подобно гирлянде, из которой свешивались цветы и чудесные плоды. В страхе пираты приказали кормщику направляться к берегу. Но было слишком поздно – их пленник превратился в свирепо ревущего льва. При виде его пираты начали прыгать за борт и в мгновение ока превращались в дельфинов. Этого превращения избежал только благоразумный кормщик. Бог пожалел его, удержав на корабле, и приказал не бояться, поскольку он сумел понравиться богу Дионису, рожденному от союза Зевса и Семелы.

Проходя по пути в Грецию через Фракию, Дионис встречал одного из фракийских царей, Ликурга, нанесшего ему оскорбление тем, что строжайше запрещал вводить культ нового божества. Дионису пришлось отступить и даже искать убежища в морских глубинах. Но потом он вернулся, одолел Ликурга и наказал его за злонравие, хотя и сравнительно мягко,

Заточив его в горах в пещеру мрачную
До тех пор, пока его ярость не угасла,

До тех пор, пока злодей не понял,
Что имеет дело он с бессмертным богом.

Но другие боги не отличались такой же мягкостью. Зевс поразил Ликурга слепотой, после чего тот вскоре умер. Кто поступает против воли богов, не живет долго.

В своих странствиях Дионис однажды наткнулся на критскую царевну Ариадну, пребывавшую в полном одиночестве на острове Наксос, будучи брошенной афинским царевичем Тесеем, которому она спасла жизнь ^[14]. Дионис почувствовал к ней сострадание. Он влюбился в Ариадну и увез ее. Когда она умерла, он взял ее диадему и поместил среди звезд.

Он не забыл и мать, которую никогда не видел. Ему так сильно хотелось ее увидеть, что, наконец, он решил спуститься в подземный мир и поискать ее там. Найдя Семелу, он стал оспаривать право демона Смерти удерживать ее в Аиде вдаль от него. И Танат уступил. Дионис вывел свою мать из Аида, но не для того, чтобы она продолжала жить на земле. Он поселил ее на Олимпе, причем боги согласились принять ее в своем кругу как равную, хотя и смертную, но породившую бога и поэтому достойную жить среди богов.

Бог вина был добрым, благодетельствовал людям. Но он мог быть жестоким и вынуждать их совершать поистине страшные поступки. Менадами или Вакханками назывались его спутницы, доводимые вином до исступления. С дики-

ми криками они носились по лесам и горам, размахивая жезлами, украшенными на конце сосновыми шишечками. Они пребывали в состоянии неопишущего, свирепого экстаза, и ничто не могло их остановить. Они раздирали на части встреченных ими диких зверей и с радостью поедали куски окровавленного мяса. При этом они безумными голосами неустанно распевали песни о прелестях своей дикой жизни.

О, как радостно на горах
Петь, и плясать, и кружиться,
В танце безумном несясь!
О, как чудно, припав к земле,
Бросившись быстрым скачком,
За дикой козою погнаться!
Как же сладостно пить ее кровь
И мясо на части рвать!

Боги Олимпа любили красоту, торжественность и порядок при жертвоприношениях, производимых в их храмах. У полубезумных менад храмов не было. Почтить божество они убегали в глухие места, в самые дикие горы, в самые глухие чащобы, как будто возрождая обычаи древних времен, когда люди еще не додумались до постройки жилищ для своих богов. Они устремлялись из пропыленных, перенаселенных городов назад к первозданной чистоте холмов и лесных чаш с их нетоптанными тропинками.

Там Дионис предоставлял им пищу: травы, коренья, моло-

ко дикой козы. Их постелями служили травы медовых лугов; они могли спать под густыми деревьями, под соснами, поч-ву под кронами которых год за годом усыпали иголки. Они обретали ощущение умиротворенности, небесной свежести; купаться они ходили к чистым, прозрачным источникам. В этом служении божеству под открытым небом было столько доброго, милого и очищающего; оно вносило экстатическую радость в дикую красоту мира. И с этой радостью соседство-вали ужасные кровавые пиршества!

Культ Диониса базировался именно на этих двух очень да-леких друг от друга идеях – идее свободы и экстатической радости и идеи дикой брутальности. Своим почитателям Ди-онис мог предложить и то и другое. На протяжении всего своего земного пути он становился для человека как благо-словением, так и причиной его гибели. Из всех ужасных со-бытий, лежащих на его совести, самое ужасное произошло в Фивах, родном городе его матери.

В Фивы Дионис пришел, чтобы установить там свой культ. Как обычно, его сопровождала свита женщин, одетых в шку-ры молодых оленей, пляшущих, распевających гимны в его честь и размахивающих увитыми плющом жезлами. Каза-лось, они были вне себя от переполняющей их радости.

Вершись, Вакханалия,
Дерзко вершись!
Славу Дионису пой
Под громко звучащий бубен!

С радостью славь его,
Того, кто сам радость нам дарит.
Священные звуки кимвалов несутся
Вверх по холмам.
Вперед, Вакханалия,
Скорая на ногу,
Вперед, все вперед!

Фиванский царь Пенфей был сыном сестры Семелы. Однако ему и в голову не приходило, что предводитель этой компании возбужденных и по меньшей мере странно ведущих себя женщин – его собственный двоюродный брат. Он не знал, что, когда Семела умерла, Зевс спас ее младенца. Буйные пляски, громкие песни да и вообще не вполне нормальное поведение незваных гостей представлялись ему предосудительными, и их следовало немедленно прекратить. Пенфей тотчас же приказал страже схватить и бросить в темницу всех пришельцев и в первую очередь их предводителя, «этого фокусничающего лидийского мошенника с физиономией, налитой кровью от выпитого вина». Однако, когда Пенфей отдавал страже этот приказ, он неожиданно услышал за своей спиной строгие слова предупреждения: «Тот, кого ты хочешь отвергнуть, – новый бог. Он сын Семелы, спасенный Зевсом. Здесь, на земле, он вместе с великой Деметрой – самые главные боги». Этот голос принадлежал старому и слепому пророку Тересию, которого почитали в Фивах как святого и который, как никто другой, прозревал во-

лю богов. Но когда Пенфей обернулся, чтобы ответить ему, он увидел, что тот наряжен как вакханка: венок из плюща на седых волосах, старые дряхлые плечи покрыты оленьей шкурой, кривая палка с набалдашником из сосновой шишки в трясущейся руке. Насмешливо расхохотавшись, Пенфей с презрением приказал ему убираться с глаз долой. Этим поступком он навлек на себя гнев судьбы: он не расслышал, как с ним говорили боги.

Затем его воины привели к нему Диониса. Они рассказали, что тот не пытался ни бежать, ни сопротивляться, но, наоборот, делал все, чтобы им было легче его задержать и доставить в темницу, пока они не устыдились и не напомнили ему, что действуют не по своей воле, а по царскому приказу. Они также сообщили, что все девицы, которых они посадили под замок, бежали в горы. Путы на них не держались, а двери раскрывались сами. «Этот человек, – заявили они, – уже совершил в Фивах немало чудес...»

Но в этот момент Пенфея не занимало ничто, кроме его гнева и презрения. Он грубо поговорил с Дионисом, который со своей стороны, казалось, старался добраться до настоящего «я» Пенфея и открыть ему глаза на то, что в данный момент он стоит лицом к лицу с богом. Дионис объяснил ему, что он не сможет удерживать его в тюрьме, потому что «его освободит бог».

– Бог? – с усмешкой переспросил Пенфей.

– Да, – отвечал Дионис. – Он здесь, и он зрит мои стра-

дания.

– Но мои глаза его не видят, – парировал Пенфей.

– Он там, где нахожусь я, – продолжал Дионис. – Ты его видеть не можешь, потому что ты нечист.

Разгневанный Пенфей приказал связать Диониса и снова бросить его в тюрьму, и тот ушел, бросив на прощание:

– Обиды, которые ты причиняешь мне, на самом деле ты причиняешь богам.

Тюремные стены, естественно, не могли удержать Диониса. Он ушел из тюрьмы и, придя к Пенфею, пытался убедить его уступить обстоятельствам, о божественном характере которых свидетельствовали явленные им чудеса, и принять культ нового, великого бога. Поскольку же Пенфей продолжал лишь наносить ему оскорбления и угрожать, Дионис предоставил его своей судьбе. Это было самое ужасное, что только могло произойти с Пенфеем.

Пенфей отправился схватить последовательниц Диониса среди холмов, куда они бежали, освободившись из тюрьмы. К ним присоединилось множество фиванских женщин; среди них были также и мать Пенфея, и ее сестры. И здесь Дионис явил себя с самой страшной стороны: всех, кто там ни был, он превратил в сумасшедших. Женщины приняли Пенфея за дикого зверя, горного льва, и бросились на него, чтобы убить. И первой среди них была его мать. Когда они напали на него, Пенфей наконец понял, что он пытался бороться с богом и должен заплатить за это жизнью. Женщины отры-

вали от его тела кусок за куском, и лишь тогда бог вернул им разум, и его мать поняла, какое преступление совершила. Глядя на то, как она страдает, вакханки, наконец отрезвев, прекратили и плясать, и петь, и дико размахивать своими жезлами, и одна из них обратилась к другой со следующими словами:

В различных обличьях приходят бессмертные к людям,
И много чудных дел богами в мире свершено,
И то, что смертный ожидал увидеть,
Свершалось порой совсем иным путем.
Бессмертный находил для нас такие тропы,
Которые увидеть мы сами б не смогли.

* * *

Точки зрения на Диониса, положенные в основу этих очень различных сказаний о его деяниях, на первый взгляд противоречивы. Согласно одной из них, он – бог, воплощающий радость.

Локоны бога повязкой златой перетянуты.
О, Вакх краснощекий,
Покровитель менад,
Радости факел вздымающих.

Согласно другой точке зрения, он – бог бессердечный, дикий, brutальный. Тогда он -

Тот, кто с насмешкой во взоре
Травит добычу свою и
Гонит в ловушку, пока не загонит до смерти
С толпою вакханок.

Истина же состоит в том, что обе точки зрения очень просто и вполне резонно объясняются тем фактом, что он – бог вина, а вино, как известно, производит как позитивные, так и негативные эффекты. Оно веселит и согревает сердца людей, но оно же делает их пьяными. Древние греки были народом, который видел факты очень четко. Они не могли закрывать глаза на отвратительную сторону винопийства, приводящую к деградации человеческой личности, и видеть только его другую сторону, которой, пожалуй, можно и восторгаться. Итак, Дионис был богом Вина, то есть располагал властью, которая подчас могла вынуждать людей совершать страшные, омерзительные поступки. Никто не сможет их защитить, да никто и не будет особенно жалеть Пенфея за понесенное им наказание. Но, говорили греки друг другу, подобные вещи случаются только тогда, когда люди не знают меры в питье. Но эта истина не ослепляла их настолько, чтобы не видеть другую истину: вино – родник радости, оно облегчает людские сердца, дает ощущение беззаботной легкости, приносит удовлетворение и веселость.

Льется напиток Диониса,
И от сердца каждого смертного
Заботы его отступают.
Тогда отправляемся мы
В дальние страны,
Которых не видел никто.
Там бедный становится Крезом,
Богатый же – великодушным.
Ведь только Вакховы стрелы
Способны весь мир покорить.

Причина того, что Дионис так по-разному проявляет себя при разных обстоятельствах, коренится именно в двойной природе вина и соответственно бога вина. Он может облагодетельствовать человека, но может его и погубить.

Как благодетель человека, он не только бог, который может его развеселить. Ведь его кубок

И жизнь дает, и исцеляет каждую болезнь.

Кубок прибавляет храбрости, по меньшей мере на данный момент. Он поднимает его почитателей над собой; он заставляет чувствовать, что они могут совершить то, чего, по собственным представлениям, сделать не способны. Все это ощущение счастливой раскованности и уверенности в себе, конечно, проходило, когда они трезвели или, напротив, становились пьяными, но пока оно длилось, им казалось, что

ими овладела сила более могучая, чем они сами. Таким образом, в связи с образом Диониса у людей возникали чувства, которых не испытывали, представляя других богов. Он существовал не только вне их – скорее пребывая в них самих. Он мог преобразовать их в сущности, подобные себе самому. Преходящее чувство ликования от осознания собственной силы, которое может дать вино, было только знаком, показывающим людям, что внутри их есть нечто большее того, что было им уже известно. «Они могли сами становиться божествами».

Мыслить в таком роде означало очень далеко отойти от старого представления о служении богу, как о процессе выпивания вина в количестве, достаточном для того, чтобы развеселиться или почувствовать себя свободным от забот или же просто напиться пьяным. Ведь существовали поклонники Диониса, никогда вина не пившие. Неизвестно, когда же произошел великий переворот, поднявший бога, дающего людям на какой-то момент свободу путем опьянения, до уровня бога, дающего людям свободу, внушая им вдохновение. Тем не менее один очень важный результат этого переворота на все будущие века сделал Диониса самым значительным из богов Греции.

Элевсинские мистерии, которые всегда были посвящены в основном Деметре, имели действительно очень большое значение. В течение столетий они помогали людям, как отмечал Цицерон, «жить с радостью и умирать с надеждой».

Но их влияние не сохранилось надолго, весьма вероятно потому, что никому не позволялось открыто проповедовать их идеологические основы или писать о них. В конце концов о них остались довольно темные воспоминания. С Дионисом дела обстояли совсем иначе. Все, что происходило на торжественных празднествах в его честь, было открыто для всего мира и продолжает оказывать влияние и в наши дни. Ни один из проходивших в Греции праздников не мог с ним сравниться. Он проводился весной, когда начинает давать побеги виноградная лоза, и длился пять дней. Это были дни, исполненные совершенного мира и радости. Все бытовые заботы исключались. Ни одного человека нельзя было посадить в тюрьму; заключенных даже выпускали для того, чтобы они могли принять участие в общем ликовании. Место, где почитатели Диониса собирались оказать должное своему богу, вовсе не было какой-нибудь дикой пустыней, ужасающей страшными или кровавыми деяниями, которые когда-либо там происходили. Это даже не был храмовый двор, где приносились бы положенные жертвы и жрецы совершали бы надлежащие церемонии. Этим местом был театр, а церемонией – театральная постановка. Наилучшие стихи в Греции, которые включают в число лучших в мире, были написаны для Диониса. Поэты, писавшие пьесы, занятые в них актеры и певцы – все рассматривались как служители бога. Постановки пьес считались священнодействием; зрители наряду с авторами пьес и исполнителями тоже были участни-

ками акта почитания бога. Предполагалось, что на спектакле присутствует сам Дионис; его жрец восседал на почетном месте.

Отсюда со всей очевидностью вытекает, что идея бога – носителя вдохновения, который мог передавать людям свой душевный настрой, лад, в результате чего они оказывались в состоянии сочинять и представлять великолепные пьесы, приобрела гораздо большую важность, чем все прежние представления о нем. В театре Диониса ставились первые трагические пьесы, которые относятся к числу лучших в мире и не превзойдены никем, за исключением Шекспира. В этом театре ставились и комедии, но они значительно уступали трагедиям, и тому есть причина.

Этот удивительный бог, веселый повеса, жестокий преследователь и вдохновитель на великие дела, был также и страдальцем. Как и Деметра, он был охвачен страданием, но не за кого-то другого, как она, а за себя самого. Ведь он – виноградная лоза, которую подрезают, как никакое другое растение, способное приносить плоды; при этом удаляется каждая ветка и остается один только голый ствол. Зимой лоза кажется омертвевшим куском дерева, старым искривленным обрубок, видимо даже не способным дать новые побеги. Как и Персефона, с наступлением холодов Дионис каждый год умирал. Но в отличие от нее его смерть была ужасной: он был разорван на части, по одной версии, титанами, по другой – по приказу Геры. Каждый раз возвращался к жизни,

умирал и снова воскресал. В его театре, собственно, и праздновалось его радостное воскрешение, но память о страшных деяниях, совершенных по отношению к нему или, наоборот, под его влиянием, слишком тесно связана с его образом, чтобы быть забытой. Он был больше чем просто страдающий бог. Других таких не было.

В его культе была и еще одна сторона. Его история была гарантией того, что смерть не может длиться вечно. Последователи полагали, что, как показывают его смерть и воскрешение, покинув мертвое тело, душа живет вечно. Утверждение этой веры было частью и Элевсинских мистерий. Первоначально оно было связано с именем Персефоны, которая также каждую весну восставала из смерти. Но в качестве владычицы мрачного подземного царства она даже в светлом верхнем мире сохраняла чуждый этому миру жутковатый налет. Действительно, как это она, всегда и всюду распространявшая воспоминание о смерти уже одним своим появлением, может быть символом воскрешения, победы над смертью? Дионис же, напротив, никогда не мыслился силой из царства мертвых. О Персефоне, как владычице этого царства, известно немало сказаний; о Дионисе же известно только одно, в котором он выводит из Аида свою мать. В своем воскрешении он – воплощение жизни, которая оказывается сильнее, чем смерть. Он, а не Персефона, оказался центральной фигурой веры в бессмертие.

Около 80 г. н. э. великий греческий писатель Плутарх, на-

ходясь вдалеке от дома, получил известие, что умерла его дочь – ребенок, как он отмечает, очень мягкий и нежный. В своем письме жене он пишет: «Насчет того, что, как ты слышала, дорогая супруга, душа, отделенная от тела, перестает существовать и не чувствует ничего, мне известно, что ты не веришь этим заверениям из-за священных и правдивых обетов, которые даются во время мистерий Вакха и которые ведомы нам, как лицам, принадлежащим к этому религиозному сообществу. Мы твердо считаем несомненной истиной, что наша душа нетленна и бессмертна. Мы должны думать [о мертвых], что они переходят в более хорошее место и в более счастливые условия. Давай вести себя соответственно, подстраивая наши жизни под внешние обстоятельства, но внутри нас все должно быть чище, мудрее, нетленнее».

Глава 3

Как были созданы мир и люди

За исключением сказания о наказании Прометея, изложенного Эсхилом в V в. до н. э., материал для этой главы взят мною в основном из Гесиода, жившего по меньшей мере на триста лет раньше. Он – главный авторитет в области мифов о начале всего сущего. Его подход характеризуют недоработанность сказания о Кроне и наивность истории Пандоры.

В начале был Хаос, эта черно-бездонная пропасть...
Как море он яростен,
Но и пустынен, и мрачен, и дик.

Эти слова, принадлежащие Мильтону, очень точно выражают соображения древних греков относительно того, что же существовало в начале всех вещей. В далеком темном прошлом, бесчисленное множество веков тому назад, задолго до появления богов существовала только некая бесформенная и неупорядоченная масса Хаоса, над которой нависала еще не разделившаяся тьма. Наконец, но каким образом, никто так и не пытался выяснить, это бесформенное еще небытие породило двух детей. Их звали Ночь и Эреб. Это имя означает неимоверной глубины бездну, в которой обитает смерть.

Во всей вселенной не существовало ничего другого; все было черным, пустым, безмолвным и бесконечным.

А потом произошло чудо из чудес. Каким-то таинственным образом из этой ужасной, лишенной какого-либо содержания пустоты вдруг появилась самая прекрасная вещь на свете. Автор множества пьес, великий комический поэт Аристофан живописует ее появление в следующих часто цитируемых строках.

...ночь с черными крылами
В глубоко-черную Эреба грудь
Яйцо вложила. И прошли столетья,
И из той груди Любовь родилась,
Сияя, долгожданная, с крылами золотыми.

Итак, Любовь родилась от союза Ночной тьмы и Смерти, и после ее рождения порядок и красота начали постепенно изгонять неупорядоченность из мира. Любовь создала Свет и его спутника, сияющий День.

Затем была создана Земля, но каким образом и при каких обстоятельствах, никто тоже выяснить не пытался. Просто она была создана, и все. Правда, с появлением Любви и Света ее появление выглядело вполне оправданным. Поэт Гесиод, первый грек, пытавшийся объяснить дальнейшее формирование мироздания, описывал этот процесс следующим образом:

Земля преблагодатнейшая родилась,
Широкогрудая и на себе несущая
Все вещи прочие. И сразу родила она
С звездами Небо, по мощи себе равное,
Чтобы прикрыть себя со всех сторон
И дать жилище всем богам благословенным.

Во всей этой картине мироздания еще не делалось различий между астральными категориями и их персонификациями. Земля мыслилась как твердь и – хотя смутно – как некое живое существо. Небо мыслилось как расположенный над Землей голубой небосвод, хотя в некоторых случаях оно действовало так, как поступало бы человеческое существо. Для людей, рассказывавших эти истории, вся вселенная была живым организмом с тем же типом жизни, какой они наблюдали у себя. Они были индивидуумами и поэтому наделяли личностными свойствами все, что обладало очевидными признаками жизни, все, что двигалось и изменялось: землю в зимний и летний сезоны; небо с перемещающимися на нем звездами; беспокойное море и т. д. Правда, это была довольно нечеткая персонификация: подразумевалось нечто неопределенное и вместе с тем огромное, что своим движением вызывало изменения и поэтому было живым.

Но когда эти ранние «космографы» заговаривали о приходе Любви и Света, они тем самым готовили почву для появления человечества, и персонифицировать главные объекты мироздания они начали более строго и точно. Силам при-

роды они придали определенные формы. Они думали о них как о предтечах человечества и наделяли их личностными свойствами в гораздо большей степени, чем землю или небеса. По их мнению, силы природы во всех отношениях вели себя как человеческие существа, например, ходили и вкушали пищу, чего, очевидно, не могли совершать Земля и Небо. Они, так или иначе, стояли в стороне от других стихийных сил. Они были, конечно, живыми, но это свойство проявлялось в них особым образом.

Первыми существами, которых вполне можно было назвать живыми, были дети Матери-Земли и Отца-Неба (Геи и Урана). Они были чудовищами. Как мы представляем себе, что земля была когда-то заселена немыслимыми гигантскими созданиями, так считали и древние греки. Однако они мыслили их не в виде, скажем, гигантских ящеров или мамонтов; они представлялись в чем-то человекоподобными, но все-таки не людьми. Они обладали разрушительной силой, сравнимой с мощностью землетрясений, ураганов и вулканов. В сказаниях они не выступают в виде реальных живых существ. Скорее, принадлежат миру, в котором жизни, как таковой, еще не существовало: происходили лишь гигантские перемещения непреодолимых сил, вздымающих горы и осушающих моря. Греки, очевидно, воспринимали эти силы именно так, поскольку в своих сказаниях подразумевают в них существование жизни, но в форме, не похожей ни на одну из жизненных форм, известных человеку.

Трое из этих существ, гигантских и чудовищно сильных, имели по сто рук и по пятьдесят голов. Трое других получили имя киклопов (циклопов), то есть «круглоглазых», потому что у каждого из них был только один огромный глаз, круглый, как колесо, и размещавшийся в середине лба. Киклопы тоже были гигантского роста и, возвышаясь над поверхностью земли как огромные горы, отличались невероятной разрушительной силой. Последними у Геи и Урана на свет появились титаны. Их было много, и они совсем не уступали своим старшим братьям ни ростом, ни мощью, но они не воплощали собой чисто разрушительные силы. Некоторые из них даже оказывали людям благодеяния. После того как были сотворены люди, один из них даже спас человечество от гибели.

Эти ужасные создания вполне естественно мыслить как детей Матери-Земли, исторгнутых ею из своих мрачных недр, когда мир был еще молод. Но крайне удивительно, что они считались также детьми Неба. Однако греки представляли себе ситуацию именно таковой и, кстати, представили Урана довольно скверным отцом. Он возненавидел создания со ста руками и пятьюдесятью головами, хотя они и были его собственными сыновьями, и по мере того, как они появлялись на свет, заключал их в одном ему известном месте в глубинах Земли. Киклопов и титанов он на время оставил в покое; но Гея, разъяренная подобным обращением с ее детьми, обратилась за помощью к другим своим детям. До-

статочно смелым оказался только один из них – титан Крон. Он выждал удобный момент и жестоко искалечил отца. Из его крови родились гиганты – четвертое поколение чудовищ. Из этой же крови родились Эринии (Фурии). Их задачей было преследовать и наказывать грешников. Их называли «те, кто ходят во мраке». На них, с их извивающимися змеями вместо волос и глазами, источающими кровавые слезы, было страшно смотреть. Все прочие чудовища в конце концов были изгнаны с земли – но только не Эринии. Пока в мире существовал грех, изгонять их было нельзя.

С этого времени на бесчисленное множество веков хозяином мира стал Крон (римляне называли его Сатурн) вместе со своей женой-сестрой Реей (Оне по-латыни). В конце концов против него восстал один из его сыновей, будущий повелитель неба и земли. Греки звали его Зевс, а римляне – Юпитер. На восстание у него были причины, поскольку Крону стало известно, что один из его сыновей со временем свергнет его с трона, и Крон задумал обмануть судьбу, проглатывая своих детей по мере того, как они рождались. Но когда Рея родила Зевса, своего шестого ребенка, ей удалось тайно перенести его на Крит. Супругу же она подсунула большой завернутый в пеленки камень, который Крон принял за ребенка и проглотил. Когда Зевс вырос, он с помощью своей бабушки Геи заставил своего отца извергнуть и этот камень, и пять своих старших братьев и сестер. Камень был установлен в Дельфах; века спустя великий путешественник Павса-

ний сообщил, что видел этот камень около 180 г. н. э.: «Это — камень не очень больших размеров, который дельфийские жрецы каждый день умащивают маслом».

В дальнейшем последовала ужасная война между Кроном, которому помогали его братья-титаны, против Зевса и его пяти братьев и сестер. Эта война чуть было не погубила всю вселенную.

Ужасный рев прошел над бурным морем —
Ведь вся Земля издала этот мощный рев;
И вторило ему в раскатах Небо.
И с основанья сдвинулся Олимп
Под натиском богов из поколения Зевса,
И дрожь Земли до Тартара проникла.

Титаны были побеждены, отчасти потому, что Зевс освободил из тюрьмы сторуких чудовищ, которые стали сражаться на его стороне с помощью своего неодолимого оружия: грома, молнии, землетрясений, а также потому, что мудрейший титан Прометей, один из сыновей титана Иапета, стал на сторону Зевса.

Зевс подверг побежденных противников страшному наказанию. Они были

Прикованы цепями под Землею,
И так далеко от ее поверхности,
Как высоко над нею Небо поднято —

Так глубоко таится мрачный Тартар.
Ведь девять дней и столько же ночей
Тяжелая из бронзы наковальня
Летела бы с небес на Землю
И на десятый день лишь достигла бы ее.
И столько же она летела б вниз,
Чтоб Тартара достичь.

Атланта, брата Прометея, постигла еще более жестокая
судьба. Он вынужден

Выносить на гордой вые не только тяжесть
От сознания гибели союзников-титанов,
Но и всю тяжесть голубого небосвода.
На раменах его – огромный столп,
Что разделяет небеса и землю, —
Груз, им едва переносимый.

Держа на плечах этот груз, он обречен вечно стоять в том
окутанном мраком и темными тучами месте, где сходятся
Ночь и День, приветствуя друг друга. В находящихся здесь
чертогах они никогда не бывают вместе. Один из них, уходя,
всегда направляется на землю, а другой, в чертогах, дожи-
дается часа, когда он сам сможет пуститься в путешествие.
Действительно, один несет с собой свет дня для обитателей
земли, а другой удерживает при себе Морфея (Сон), его бра-
та Таната (Смерть).

Но даже после того, как титаны были побеждены и со-

крушены, Зевс не мог ощущать себя полным победителем. Гея породила свое последнее и самое ужасное детище, более страшное, чем все те, которые появлялись у нее раньше. Его звали Тифон. Это было

Чудовище, что, сто голов имея,
Восстало сразу против всех богов.
Смерть дышит из его ужасных глоток,
Глаза пылают бешенства огнем.

Но теперь громами и молниями распоряжался исключительно Зевс. Этим оружием не мог воспользоваться больше никто. Он поразил Тифона

Перуном, что никогда не спит.
Раздался грохот, и дыхание огня
Прожгло Тифону внутренность насквозь.
Остался от чудовища лишь пепел.
Теперь не устршит уж никого
Тот, кто еще совсем недавно
Близ Этны реки заставлял вскипать
И опалял поля Сицилии цветущей.
Теперь он никому вреда не причинит
Своими огнедышащими глотками.

Несколько позднее была предпринята еще одна попытка свергнуть Зевса – восстали гиганты. Но к этому времени боги уже обладали достаточно большой мощностью; к тому же к

ним на помощь пришел сын Зевса, могучий Геракл. Гиганты были побеждены и сброшены в Тартар, и победа светлых сил Неба над темными силами Земли была полной. С этого времени Зевс, а также его братья и сестры стали неоспоримыми владыками вселенной.

Тем не менее людей на земле по-прежнему не было, хотя мир, уже очищенный от чудовищ, был готов принять человечество в свои пределы. В этом мире люди могли жить в относительном комфорте и безопасности, не страшась неожиданной встречи с титаном или гигантом. Земля считалась круглой лепешкой, разделенной на две части Морем – Понтом, как называли его греки (для нас это Средиземное море), и морем, которое мы называем Черным. Первоначально греки называли его Понтом Аксинским, то есть «негостеприимным морем», а впоследствии, поближе с ним познакомившись, стали именовать его Понт Эвксинский, что означает «гостеприимное море». Иногда предполагается, что они стали применять это название, надеясь таким образом заручиться его расположением. Землю обтекает огромная река, Океан, не знающая ни ветра, ни штормов. На дальнем берегу Океана живут странные, окруженные покровом тайны народы, путь в страны которых редко кто находил. Известно, что там жили киммерийцы, но в какую сторону от Океана: к востоку, западу, северу, югу, никто не знал. Их страна была всегда окутана туманами и закрыта от солнца туча-

ми. Туда никогда не проникал свет дня, не заглядывало лучистое солнце – ни когда поднималось по небосводу на расвете, ни тогда, когда по вечерам опускалось к земле. Бесконечная ночь распростерла свои крылья над меланхоличными людьми, населяющими эти земли.

Однако все прочие народы, обитающие на другом берегу Океана, вполне довольны жизнью. На самом дальнем Севере, далеко позади дворца Борея, северного ветра, расположена благословенная страна, где живут гипербореи. Ее смогли посетить только немногие великие герои. Пути к месту обитания гипербореев нельзя найти ни на корабле, ни пешком. Однако известно, что неподалеку от них живут Музы. У гипербореев можно повсюду увидеть танцующих дев, слышать чистые звуки лиры и задорные нотки флейт. Они украшают себя золотыми лавровыми венками и весело пируют. Этот счастливый народ не знает ни болезней, ни ведущей к смерти старости. Далеко на юге расположена страна эфиопов, о которых мы знаем только то, что боги очень благоволят им и часто бывают на их пирах.

На берегу Океана расположена и страна блаженных. В этой стране не бывало ни снегопадов, ни суровых зим, ни проливных дождей. Лишь со стороны Океана дул нежный и мягкий Зефир, западный ветер, освежая человеческие души. Сюда, покидая землю, попадали лишь те, кто сохранил себя чистым от всяческого зла.

Теперь их жребий – доля беззаботная.
Теперь не нужно им идти за плугом
Иль в море выходить
На поиск пропитанья своего.
И будучи богами из страны,
Теперь они вовек не знают слез.
И здесь, на Островах блаженных,
Благословенный дует ветерок,
И золото цветов пылает на деревьях
И на волнах морских.

Итак, теперь все было подготовлено для появления на земле человечества. Были предусмотрены даже особые места для размещения праведных и грешных душ после смерти. И пора создавать людей настала. По поводу того, как это случилось, существуют разные версии. Согласно одной из них, эта задача была поручена богами Прометею, который сражался на стороне Зевса в его войне с другими титанами, и его брату Эпиметею. Прометей, имя которого означает «промыслитель», то есть «смотрящий вперед», обладал огромной мудростью, гораздо большей, чем мудрость богов, а Эпиметей, то есть «смотрящий назад», был большим туподумом, который, принимая решения, следовал первому импульсу, а потом изменял уже принятое решение. Так он поступил и в этом случае. Прежде чем создавать людей, он отдал животным все лучшие дары: силу, быстроту ног, хитрость, шерсть или мех, перья, крылья, панцири, и людям не осталось ниче-

го хорошего: ни средств защиты от нападения, ни качеств, которые позволили бы им конкурировать с животными. Он пожалел о содеянном, но, как всегда, слишком поздно, и запросил помощи у брата. Прометей же, оценив ситуацию, все-таки придумал способ обеспечить человечеству превосходство. Прежде всего он заставил их передвигаться не как животные на четырех ногах, а как боги – на двух. А затем он отправился на небеса, к солнцу, где зажег факел и сбросил его на землю^{15}. Огонь мог защитить человека лучше, чем любое иное средство – будь то мех или перья, сила рук или быстрота ног.

И теперь хоть и слабый, недолго живущий,
Человек, получивши огонь,
Приобрел много сил, много новых умений.

В соответствии с другой версией людей создали сами боги. Сначала они создали золотую расу людей. Эти люди, хотя и были смертными, жили подобно богам, не ведая печалей, не зная боли и тяжелого труда. Земля сама давала им в избытке свои плоды. Было у них и множество домашних животных. Их любили боги; когда они умирали, то превращались в духов, благодетелей и покровителей человечества.

В этом сказании о сотворении человечества боги как будто бы склонны экспериментировать с различными металлами, причем начинают они с самого благородного металла, за-

тем переходят к менее благородному и т. д. Действительно, испытав золото, боги решили испробовать серебро. Вторая, серебряная раса, намного уступала первой. Рассудка у людей этой расы было настолько мало, что они не могли удержаться от того, чтобы походя не увечить, не ранить друг друга. Они тоже сошли со сцены, но в отличие от золотой расы их души не продолжали жить после смерти. Следующая раса была создана из меди. Это были ужасные люди, обладающие чудовищной силой и настолько склонные к войне и насилию, что полностью погубили себя своими собственными руками. Это оказалось к лучшему, поскольку вслед за ними на земле появилась раса богоподобных героев, которые вели блистательные войны и совершали грандиозные подвиги, о которых люди говорили и пели в течение многих веков. В конце концов все они попали на Острова блаженных, где будут пребывать вечно.

Последняя раса – это ныне живущие на земле люди, железная раса. Они живут в суровые, злые времена, и в их природу заложено слишком много зла. Поэтому они всегда будут знать и печаль, и тяжелый труд. Со сменой поколений они становятся все хуже и хуже: сыновья всегда мельче отцов. Придет день, когда они станут настолько дурными, что будут обожествлять мощь; место гнева у них займет сила, и они перестанут почитать богов. В конце концов, когда уже ни один человек не будет испытывать негодования при виде несправедливости или не ощутит чувства стыда, увидев

недостойное, Зевс уничтожит и их. Но все же и тогда кое-что может быть сделано, если только простые люди поднимутся на борьбу и свергнут угнетающих их правителей.

* * *

Как бы ни отличались друг от друга два приведенных выше сказания: о пяти веках и о Прометее и Эпиметее, в них совпадает одно обстоятельство. А именно в течение длительного времени, видимо всего «золотого века», на земле существовали только мужчины и совсем не было женщин. Их Зевс создал позже, разгневавшись на Прометея за его чрезмерную заботу о мужчинах. Прометей не только похитил огонь для мужчин; он устроил так, что они получали лучшую часть мяса жертвенных животных, а боги – худшую. Однажды он зарезал огромного быка и завернул самые съедобные куски мяса в шкуру, положив поверх нее внутренности. Рядом он аккуратно сложил еще одну кучу из всех имевшихся костей и прикрыл блестящим жиром, после чего предложил Зевсу выбрать любую из них. Зевс выбрал кучу с белым жиром. Увидев же старательно выложенные кости, он, естественно, очень рассердился. Но выбор был сделан, и отказываться он не имел права. Поэтому с тех пор на алтари богов выкладывают только жир и кости, а мясо оставляют для людей.

Пандора подняла крышку, и из сосуда вылетели все беды и горести человечества.

Но не таков был отец богов и людей, чтобы терпеть подобное обхождение. Он поклялся отомстить за обиду прежде всего человечеству, а затем его другу. Он приготовил для мужчин большое зло. Это зло пришло в мир в облике приятной, более того, красивой и в то же время застенчивой женщины. Все боги дарили ей подарки: серебристые одежды, расшитое покрывало, гирлянды из прекрасных цветов и золотую корону. Она вся светилась красотой. Поскольку она была щедро одарена, ее стали называть Пандора, что означает «Всем одаренная». После того как эта ходячая катастрофа была сотворена, Зевс представил ее богам, и все: и боги, и люди – не могли надивиться, глядя на нее. От нее, первой женщины, и ведут свое происхождение все остальные женщины – это воплощение зла для мужчин; ведь совершать зло требует сама их природа.

В другом сказании о Пандоре утверждается, что причина всех несчастий, происходящих с мужчинами, кроется вовсе не в дурных наклонностях Пандоры, а просто-напросто в ее любопытстве. Боги подарили ей шкатулку, в которую каждый из них спрятал какую-нибудь беду или неприятность, и запретили Пандоре когда-нибудь ее открывать. А затем они отослали Пандору к Эпиметею, обрадовавшемуся встрече с

ней, хотя Прометей и предупреждал его, что принимать от Зевса ничего нельзя. Только потом, когда это опаснейшее существо, женщина, стала его женой, он понял, насколько хорош был совет его брата. Дело в том, что Пандора, как и все женщины, была невероятно любопытна. Она *должна была* знать, что находится в шкатулке. Однажды она подняла крышку, и все бесчисленные беды, несчастья и горести человечества вылетели наружу. В ужасе Пандора захлопнула крышку, но было уже поздно. В шкатулке содержалась только одна приятная людям вещь – надежда, одна – среди множества бед, и там это единственное утешение человечества в его бедствиях и пребывает до сих пор. Так смертные узнали, что от Зевса нельзя ждать ничего хорошего, да и пытаться обмануть его не следует. Мудрый и сострадающий человечеству Прометей постиг эту истину тоже.

После того как Зевс наказал мужчин, введя в их мир женщину, он перенес свое внимание на самого главного грешника. Новый правитель мира был многим обязан Прометею за помощь в войне с титанами и победу над ними, но об этом он постарался забыть. Зевс призвал своих слуг Власть и Силу и приказал им схватить Прометея и перенести на Кавказ, где они должны

...святотатца этого

К скалистым здешним кругам крепко-накрепко

Железными цепями приковать навек.

Затем они сообщают Прометею, что

Не будет часа, чтобы мукой новою
Ты не томился. Нет тебе спасителя.
Вот человеколюбья твоего плоды.
Что ж, поделом, ты бог, но гнева божьего
Ты не боялся, а безмерно смертных чтил.
И потому на камне этом горестном
Коленей не сгибая, не смыкая глаз,
Даль оглашая воплями напрасными,
Висеть ты будешь вечно.

Смысл этих пыток был не только в том, чтобы наказать Прометея, но и вынудить его раскрыть секрет, весьма важный для хозяина Олимпа. Зевс знал, что Судьба, устанавливающая порядок смены вещей, определила, что однажды у него должен родиться сын, который свергнет его с трона и прогонит богов из их небесных чертогов. Но только Прометею было известно, кто станет матерью этого сына. И когда Прометей лежал прикованным к скале, Зевс послал к нему своего вестника, Гермеса, с приказом раскрыть этот секрет. Прометей же дает ему гневную отповедь:

В ушах твоя навязла речь, как моря шум.
Не смей и думать, что решенья Зевсова
По-женски устрашусь я и, как женщина
Заламывая руки, ненавистного
Просить начну тирана...

Гермес предупреждает Прометея, что, если тот будет упорствовать, он навлечет на себя еще более тяжкие страдания.

...и крылатый Зевсов пес,
Орел, от крови красный, будет с жадностью
Лоскутья тела твоего, за кусом кус,
Терзать и рвать и клювом в печень черную
Впиваться каждодневно, злой, незванный гость.

Ничто – ни угрозы, ни муки не могли сломить Прометея. Его тело было оковано, но дух – свободен. Он отказывался подчиняться жестокости и тирании. Он знал, что добросовестно послужил Зевсу и совершенно правильно поступил, пожалев смертных в их бессилии.

Страданиям он подвергается совершенно несправедливо, и он никогда и ни за что не сдастся жестокой власти. Гермесу он заявляет, что

Ни хитрости, ни пытки нет, которыми
Меня склонить удастся к откровенности,
Пока с меня он мерзких не сорвет цепей.
Пускай он мечет огненные молнии,
Пусть белокрылым снегом сыплет,
На землю рушит, все перевернет вверх дном —
Ничем он не добьется, чтобы выдал я,
Кто тот, кто у него отнимет власть.

Посланцу богов только остается бросить Прометею:

Великим, вижу, болен ты безумием —

и оставить его страдать. Нам известно, что через много поколений Прометей будет освобожден, но почему и при каких обстоятельствах — об этом нигде не упоминается. Существует довольно темная история о том, что кентавр Хирон, будучи бессмертным, согласился умереть за Прометея и ему было позволено это сделать. Когда Гермес понуждал его уступить Зевсу, он говорил именно об этом, но в таких выражениях, что, как можно было подумать, речь шла о некоей добровольной жертве.

Конца страданиям этим до сих пор не жди,
Покуда некий бог великих мук твоих
Преемником не станет, в недра Тартара
И в мрак Аида черный пожелав уйти.

Но Хирон сделал именно это, и Зевс как будто бы принял его как адекватную замену Прометею. Но мы также знаем, что Геракл застрелил орла и снял с Прометея оковы и что Зевс был согласен на такие поступки Геракла. Но почему Зевс изменил свое решение и раскрыл ли Прометей свой секрет после освобождения, нам неизвестно. Однако совершенно определенно можно утверждать одно: каким бы об-

разом Зевс и Прометей ни примирились, Прометей не был уступившей стороной. Его имя прогремело через столетия – от времен Древней Греции до наших дней – как имя великого бунтаря против несправедливости и гнета власти.

* * *

Есть еще одно сказание о создании человечества. Согласно рассказу о пяти веках его истории, современный человек происходит от людей железного века. В рассказе же о Прометее остается неясным, принадлежат ли люди, которых он спас от гибели, к железной или бронзовой расе. Ведь огонь – вещь, совершенно необходимая как для тех, так и для других. Согласно третьей версии, современное человечество произошло от людей каменной расы. Эта версия начинается с описания потопа. На всей земле люди настолько испортились, что Зевс решает их окончательно истребить. Он принимает решение

Наслать наводнение и бури на всю необъятную землю,
Покончив навечно со злым человечеством.

С этой целью он зовет на помощь своего брата Посейдона, и оба затопляют землю потоками воды, льющейся с неба, и разливом рек, выступивших из берегов.

И черная земля водой была покрыта.

Вода затопила вершины самых высоких гор. Водой полностью не был покрыт только Парнас, и люди могли спастись лишь на кусочке сухой земли на вершине его самого высокого пика. После того как дождь шел непрерывно девять дней и девять ночей, волны прибили к этой вершине деревянный ковчег, по виду напоминающий громадный сундук, внутри которого находилось двое людей: мужчина и женщина. Их звали Девкалион и Пирра. Он был сыном Прометея, а она – племянницей, дочерью Эпиметея и Пандоры. Будучи самым умным человеком во всем мире, Прометей, конечно, сумел защитить членов своей семьи. Он знал о предстоящем потопе и поэтому приказал своему сыну построить ковчег, запасти в нем провизии и войти в него. К счастью, Зевс не был разгневан происшедшим, поскольку спасшаяся чета была богобоязненными людьми, ревностными почитателями богов. Когда ковчег прибило к берегу и Девкалион с Пиррой вышли на сушу, они нигде не увидели никаких признаков жизни – только необъятные водные просторы. Зевс пожалел их и остановил потоп. Медленно, как воды прилива, море и реки уходили в свои прежние берега, и земля постепенно высыхала. Пирра и Девкалион, единственные живые существа на всей земле, спустились с Парнаса. Они обнаружили храм, весь в жидкой грязи и водорослях, но разрушенный не полностью, и в нем они вознесли молитвы, благодаря богов за

спасение и прося помочь им в их ужасающем одиночестве. И тут они услышали голос, сказавший:

– Покройте головы, бросайте кости вашей матери себе за спину!

Это повеление привело их в ужас.

– Но мы же не можем совершить такое кощунство, – промолвила Пирра.

Девкалион вынужден был согласиться с ее правотой, но при этом он не мог не искать разгадки этих загадочных слов.

– Но ведь земля – наша всеобщая мать, – наконец догадался он. – Ее кости – это камни. Их мы можем бросать себе за спину, не совершая ничего дурного.

Они так и поступили, и брошенные ими камни, упав на землю, превращались в людей. Они были названы людьми каменной эпохи. Как и следовало ожидать, да как, впрочем, и стало, это было суровое, выносливое племя, способное очистить землю от следов опустошения, причиненного потопом.

Глава 4

Древнейшие герои

Прометей и Ио

Этот рассказ основан на материале, заимствованном у двух поэтов: грека Эсхила и римлянина Овидия, отделенных друг от друга временным интервалом в четыреста пятьдесят лет. В еще большей степени они разнятся мерой их дарования и темпераментом. Их произведения представляют собой наилучшие источники по выбранному мною сюжету. Написанное суровым и прямым языком Эсхила очень просто отличить от того, что написано легким и игривым пером Овидия. Характерным для Овидия является его замечание о ложных клятвах влюбленных, как, впрочем, и маленькое сказание о Сиринге.

В те дни, когда Прометей подарил людям огонь и был за это прикован к кавказской скале, его посетило некое очень странное создание. Видимо, все-таки плохо отдавая себе отчет в происходящем, оно неуклюже карабкалось по скалам и утесам. По первому впечатлению это была телка, хотя она и разговаривала человеческим языком, называя себя «волнорогой девушкой». Казалось, она совсем сошла с ума от го-

ря. Вид прикованного к скале Прометея заставил ее остановиться.

Чей край, что за племя, кто предо мной
На камне, в оковах томясь, висит
Игралищем бурь?
За какую вину гибнешь, ответь,
Скажи мне, куда
Меня, злополучную, занесло?
Горе, о, горе!

Вдоволь скиталица наскиталась.
Ведать не ведаю, где конец
Этой муке великой.
Слышишь ли ты волнорогой девушки речь?

Прометей, конечно, узнал ее и окликнул по имени. Ему была известна ее история.

Как не услышать дочери Инаховой,
Слепнем гонимой, той, что сердце Зевса жжет
Любовью и в скитаньях нескончаемых
По воле Геры гневной коротает век?

Услышанное Ио, казалось, на какое-то время привело ее в чувство, и безумие оставило ее. Она продолжала стоять, потрясенная. Услышать свое имя и имя своего отца от этого

бедняги, да еще в этом жутком безлюдном месте! Помедлив, она спросила:

Кто тебе имя отца моего открыл?

Кто ты, ответь мне, сжался...

И прикованный ответил:

Я – Прометей, который людям дал огонь.

Она тоже знала его историю.

На благо ты явился человечеству.

За что же, бедный Прометей, страдаешь так?

Они поговорили друг с другом. Прометей поведал ей, как с ним обошелся Зевс, а она в свою очередь рассказала, почему Ио, когда-то счастливая царица, превращена в телку. «По воле Зевса», – говорила она, -

...облик мой, как и душа моя,

Преобразился – видишь ли рога? – слепень

Меня ужалил, и прыжками буйными

Я побежала...

Непосредственной причиной бедствий Ио была Гера, ревнивая жена Зевса, но главным их виновником являлся он сам. Влюбившись в нее, он стал посылать смущающие ее де-

ВИЧИЙ ПОКОЙ СНЫ.

Из ночи в ночь в мои покои девичьи
Сны приходили, и виденья вкрадчиво
Шептали мне: «О, девушка счастливая,
Зачем хранишь ты девственность? Высокого
Сподобишься ты брака. Воспылал к тебе
Сам Зевс своим желаньем и Киприды сладкий труд
Делить с тобою хочет. Ложа Зевса,
Дитя, не отвергай ты, а на сочный луг
Лернейский выйди, к стойлам,
Чтоб пламя страсти в Зевсовых очах унять».
Таковыми снами я томилась, горькая,
Все ночи напролет...

Но страх Зевса перед ревностью Геры оказался гораздо сильнее его любви к Ио. Когда он пытался укрыть Ио и себя самого, окутав землю таким плотным и темным облаком, чтобы внезапная ночь тотчас изгнала светлый день, он поступал с мудростью, которую едва ли пристало проявлять отцу богов и людей. Гера прекрасно знала, что для этого странного события есть вполне определенные причины, и постоянно подозревала своего супруга. Не найдя его на небесах, она тотчас же спустилась на землю и приказала туче растаять. Но и Зевс действовал быстро. Когда Гера его заметила, он уже стоял рядом с прелестной белой телкой. Конечно, это была Ио. И он клялся, что никогда не видал ее раньше – до

тех пор, когда она, видимо только что появившаяся на свет, выпрыгнула словно откуда-то из-под земли. И это, замечает Овидий, показывает, что на ложные клятвы, которые дают влюбленные, боги не гnevаются. Вместе с тем они показывают, что большой пользы такие клятвы не приносят, поскольку Гера не поверила ни единому слову супруга. Она только заметила, что телка очень мила, и поинтересовалась, не преподнесет ли Зевс эту телку ей в подарок. Как бы ему это ни было неприятно, Зевс понял, что отказать Гере в подарке означало бы выдать себя с головой. Чем он мог извинить себя? Ну, подумаешь, какая-то маленькая коровка... Он с неохотой отдал Ио Гере, а уж та-то очень хорошо знала, как уберечь ее от мужа.

Она поручила ее заботам Аргуса, что великолепно отвечало ее целям, поскольку у Аргуса было сто глаз. Перед таким стражем, у которого одни глаза засыпали, а другие бодрствовали, Зевс был бессилен. Он видел бедствия Ио, превращенную в животное и изгнанную из дома, но помочь ей не осмеливался. Правда, в конце концов он отправился к Гермесу, вестнику богов, и приказал ему найти способ убить Аргуса. Не было бога умнее Гермеса. Как только он перенесся с неба на землю, он тотчас же снял с себя все, что могло выдать в нем бога, и пришел к Аргусу под видом деревенского парня, весело наигрывающего на тростниковой дудочке. Аргус обрадовался музыке и велел Гермесу подойти поближе. «Пожалуй, ты можешь и посидеть рядом на этом камне, – прибавил

он, — здесь тень, как раз то, что нужно пастуху». Казалось, ситуация для Гермеса складывалась как нельзя лучше, но он ничего не предпринимал. Он играл, а потом говорил, произнося фразы настолько скучно и монотонно, насколько мог. Некоторые из сотни глаз Аргуса задремали, но прочие оставались бодрствовать. Наконец, одна из историй Гермеса сыграла предназначенную ей роль. Это было сказание о Пане, влюбившемся в нимфу Сирингу, которая, спасаясь, бежала от него и тогда, когда он уже совсем настиг ее, была превращена ее сестрами-нимфами в пучок тростника. Как рассказывал Гермес, в этот момент Пан как раз закричал: «Ты все равно будешь моей!» — и смастерил

...свирель пастушью

Из камышей, скрепив их воском.

Эта маленькая история, как и многие подобные ей, любопытна, но для Аргуса она оказалась настолько скучна, что все его глаза отправились спать. Гермес, естественно, тотчас же убил его. Гера же сохранила глаза Аргуса и поместила их на хвосте павлина, своей любимой птицы.

Теперь Ио как будто бы стала свободной, но Гера не могла оставить ее в покое. Она напустила на нее слепня, который своими укусами сводил ее с ума. Прометею Ио рассказывала:

...меня из края в край

Слепень безумья гонит. Это божий бич!

Прометей пытался сделать ей приятное, но он мог предсказать ей только отдаленное будущее. В самом же ближайшем будущем ей предстояли новые странствия, причем в очень опасных странах. Он мог предсказать ей, что море, вдоль которого она, обезумев, промчалась, будет называться Ионическим, а Босфор, что означает «коровий брод», будет служить напоминанием о том, как она перебиралась через него, но ее самое главное утешение будет состоять в том, что в конце концов она доберется до Нила, где Зевс снова вернет ей человеческий облик. Она родит ему сына и наречет его Эпафом, а потом будет жить в счастье и почете. А семя Эпафа через много поколений

...даст того отважного

Стрелка из лука, что меня от мук избавит.

Действительно, одним из потомков Эпафа будет Геракл, величайший из героев, храбрее которого едва ли были сами боги и которому Прометей будет обязан своим освобождением.

Европа

Этот рассказ, очень напоминающий классическую новеллу Возрождения по своей фантастичности, изящной отделке и живописности, полностью заимствован из поэмы алек-

сандрийского поэта Мосха, творившего в III в. до н. э. Он представляет собой наилучший из когда-либо известных вариантов мифа.

Ио была не единственной девушкой, оставившей след в географии только потому, что в нее влюбился Зевс. Существовала еще одна, известная, кстати, гораздо шире, – Европа, дочь царя финикийского города Сидон. Но если Ио пришлось дорого заплатить за свою известность, то Европе в этом отношении чрезвычайно повезло. За исключением нескольких минут страха, который она испытала, увидев себя плывущей над морскими глубинами на спине быка, страдать ей вообще не пришлось. Миф ничего не говорит о том, чем занималась в это время Гера, но она, очевидно, утратила бдительность, и ее супруг мог делать все, что ему заблагорассудится.

Одним весенним утром Зевс, лениво разглядывавший с небес землю, увидел очаровавшую его сцену. В это утро Европа проснулась рано, как и Ио, потревоженная сном. Но это был сон не о боге, полюбившем Европу, а о двух континентах, которые в облике женщин спорили о том, кому из них она должна принадлежать. Азия утверждала, что именно она дала жизнь царевне и поэтому имеет на нее все права, а другая, еще безымянная, заявляла, что Зевс отдаст девушку ей.

Пробудившись от этого удивительного сна, посетившего ее на рассвете, когда смертных чаще всего посещают ис-

тинно вещие сны, Европа решила больше не пытаться засыпать, а созвать своих высокорожденных подружек-сверстниц и пригласить их погулять вместе с ней по цветущим лугам, раскинувшимся у моря. Это было их любимое место для отдыха, где они или танцевали, или омывали свои прелестные тела в устье реки, или собирали цветы.

Похищение Европы

На этот раз все были с корзинками, зная, что сейчас пришло то время, когда цветы красивее всего. У Европы корзинка была золотой, с изящными гравюрами, которые, по странному совпадению, изображали историю Ио, ее странствия в обличье коровы, гибель Аргуса, а также фигуру Зевса, легким движением своей божественной руки касающегося Ио и превращающего ее снова в женщину. Это была не корзинка, а чудо, и сделана она была не кем иным, как самим Гестом, этим олимпийцем-тружеником.

Но цветы, которые царица складывала в корзинку, ничуть не уступали ей красотой. Это были и чудесно пахнущие нарциссы, гиацинты, фиалки, и желтые крокусы, и самые великолепные из всех малиновые дикие розы. Девушки с восторгом собирали их, рассыпавшись по всему лугу. Каждая из них была прекраснейшей из прекрасных, но даже и среди них Европа сияла своей красотой, затмевая других подобно тому, как богиня любви затмевает своих сестер Граций. Афродита же обдумывала как раз то, что должно было случиться в следующие минуты. Пока Зевс любовался с неба этой милой сценой, она, единственная, кто мог одолеть Зевса, разумеется с помощью своего сына, шаловливого и своенравного Амура, выпустила ему в сердце одну из своих стрел, и в тот же самый момент он воспламенился безумной любовью к Европе. Хотя Гера в это время была дале-

ко, он решил принять меры предосторожности и явиться к Европе в облике быка. Конечно, это был не такой бык, которого можно увидеть стоящим в хлеву или пасущимся на поле. Нет, он был прекраснее всех быков, когда-либо живших на свете: светло-орехового цвета, с серебряным полумесяцем на лбу и рогами, изогнутыми, как молодой месяц. Он выглядел таким добродушным, таким милым, что девушки, увидев, как он подходит к ним, совсем не испугались, а собрались вокруг него, чтобы его погладить и вдохнуть исходящий от него небесный аромат, который казался им чудеснее, чем запахи цветущего луга. Первой к нему подошла Европа, и когда она нежно коснулась его, он замычал, и настолько музыкально, что ни одна флейта не смогла бы издать такой мелодичный звук.

Потом он улегся у ее ног и, казалось, подставил ей свою широкую спину. Она тотчас же кликнула подружек, приглашая их подойти и влезть быку на спину.

Подумала, он на спине нас покатает,
Так мил и кроток он и так красив!
Да разве ж это бык? Он так похож на человека,
Что разве только что не говорит!

С улыбкой она уселась на спину быка, но подружки, как ни торопились, не успели последовать ее примеру. А бык поднялся на ноги и со всей скоростью, на которую был только способен, устремился к берегу, а потом бросился в вол-

ны и поплыл по ним. Когда он плыл, волны, казалось, растилались перед ним; из глубин, сопровождая его, появилась свита; диковинные морские божества, nereиды, скачущие на дельфинах, тритоны, трубящие в рога, и, наконец, сам повелитель морей, брат Зевса Посейдон.

Европа, ошеломленная и напуганная видом всех этих удивительных созданий и катящихся мимо нее волн, одной рукой вцепилась за большой рог быка, а другой придерживала платье, стараясь его не замочить. А ветры

Вздули высокие волны,
Как вздувают парус корабельный.
Но мягко и нежно те волны качали ее.

«Это наверняка не бык, – думала Европа, – скорее всего, это какой-то бог». И она взмолилась, прося его пожалеть ее и не оставлять в каком-нибудь жутком месте в одиночестве. Бык ответил ей и объяснил, что она правильно догадалась, кто он на самом деле. Ей нечего бояться, успокаивал он ее. Он – Зевс, величайший из богов, и все, что он делает, происходит только из любви к ней. Он отвезет ее на Крит, его любимый остров, где его мать прятала его от Крона младенцем и где она, Европа, родит ему

Сынов знаменитых, под скиптры которых
Соберутся народы со всей необъятной земли.

Конечно, все случилось так, как обещал Зевс. Вскоре перед ними показался Крит, и Оры, богини времен года и охранительницы ворот Олимпа, привели ее на свадебный пир. Ее сыновья стали знамениты, и не только в этом, реально существующем, но и в загробном мире, где двое из них, Минос и Радамант, в награду за справедливость их суда на земле были сделаны судьями в царстве мертвых. Но самым известным на земле все-таки стало ее имя.

Киклоп Полифем

Первая часть этого сказания восходит к Одиссее; вторая известна только в изложении Феокрита, александрийского поэта III в. до н. э.; третья же часть могла быть написана только таким блестящим сатириком, как Лукиан, творивший во II в. н. э. Таким образом, заключительная часть мифа оформилась по меньшей мере через тысячу лет после того, как его впервые начали рассказывать. Можно полагать, что мощь и литературное мастерство Гомера, изящная фантазия Феокрита и изощренный юмор Лукиана в большой мере иллюстрируют направление развития греческой литературы.

Все чудовищные формы жизни, созданные в самом начале мира: сторукие монстры, гиганты и т. п. — были изгнаны с земли сразу же после их поражения. Единственным ис-

ключением были киклопы. Им было разрешено вернуться из тартара, и в конце концов они даже стали любимцами Зевса. Они проявили себя искусными мастерами и ковали Зевсу его перуны. Первоначально их было только трое, но со временем их число увеличилось. Зевс поселил их в благодатной стране, где поле и виноградники, которые никем не засеивались и не обрабатывались, давали обильные урожаи. Киклопы также владели большими стадами овец и коз и жили не зная забот. Однако их свирепость и склонность буйствовать со временем не уменьшились; они не знали ни закона, ни суда, и каждый из них вел себя как кому заблагорассудится. Чужеземцам, попавшим в их страну, очевидно, не поздоровилось бы.

Прошли века после того, как Прометей был наказан за помощь людям, и теперь их отдаленные потомки создали цивилизацию и умели строить корабли, способные совершать дальние плавания. На берег этой опасной страны высадился один греческий царь. Имя его было Одиссей (у римлян Улисс), и плыл он на родину после разрушения Трои. Надо сказать, что даже в самых жестоких схватках с троянцами он никогда не бывал так близко от смерти, как в стране киклопов.

Недалеко от того места, где причалил его корабль, Одиссей заметил большую пещеру с выходом в сторону моря. В ней, видимо, кто-то жил – перед пещерой стояла крепкая ограда. Одиссей решил осмотреть ее, взяв с собой двена-

дцать человек из команды. Мореходы испытывали нужду в провианте, и он захватил с собой мех с крепким выдержанным вином, чтобы предложить его хозяину пещеры в обмен на гостеприимство. Ворота в ограде закрыты не были, и моряки вошли в пещеру. Там они никого не увидели; но чувствовалось, что ее хозяин не беден. К стенам пещеры примыкали загоны для ягнят и козлят, переполненные живностью. Там же стояли и полки с кругами сыра и бадьи с молоком. Это был великий соблазн для изголодавшихся в море путешественников, которые в ожидании хозяина и поели и попили. Наконец появился и он сам – чудовищный и огромный, как утес, киклоп. Гоня перед собой свое стадо, он вошел в пещеру и завалил вход в нее гигантским камнем. Затем, оглядевшись, он заметил пришельцев и закричал отвратительно звучащим голосом:

– Кто вы, посмевающие войти в жилище Полифема? Торговцы или ворюги-пираты?

И вид, и голос хозяина пещеры нагнали на мореходов страху, но тут вперед вышел Одиссей, твердым голосом ответивший:

– Мы – потерпевшие кораблекрушение воины из-под Трои; мы – твои гости и находимся под защитой Зевса, покровителя просящих о крове.

На это Полифем с хохотом ответил, что до Зевса ему дела нет. Он выше любого бога и вообще не боится богов. После этих слов он протянул свои громадные ручищи и каждой из

них схватил по человеку и разбил их головы о каменный пол. Затем он медленно сожрал их до последней косточки и, довольный, растянулся поперек пещеры и заснул. Нападения он не боялся. Ведь никто из людей не смог бы откатить громадный камень от входа, и если бы обезумевшие от ужаса люди и смогли бы набраться храбрости и сил, чтобы убить его, они были бы заточены в пещере на веки вечные.

Всю эту страшную долгую ночь Одиссей размышлял над тем, что произошло и что еще произойдет с каждым из них, если он не отыщет пути к спасению. Тем временем уже наступил рассвет и стадо, собравшееся перед выходом из пещеры, разбудило киклопа, и Одиссея еще не посетила ни одна светлая мысль. Ему пришлось быть свидетелем гибели еще двух своих товарищей, которыми Полифем позавтракал. Потом он выгнал стадо, снова привалил к выходу камень, проделав это с такой же легкостью, с какой обычный человек открывает и закрывает крышку колчана. Запертый в пещере, Одиссей продолжал размышлять о бегстве. Четверо из его спутников уже погибли страшной смертью. Неужели всем им суждено пройти этот ужасный путь? Наконец в его голове сложился план. Рядом с загонами для молодняка лежало огромное бревно, длинное и толстое, как мачта корабля с двадцатью гребцами. Одиссей отрубил от него подходящий для его целей кусок, а затем он и его спутники заострили его и закалили острие на огне. Они закончили работу и успели спрятать сделанный ими кол как раз к тому моменту,

когда вернулся Полифем, тотчас же устроивший себе такой же чудовищный ужин, что и вчера. Когда он закончил его, Одиссей, наполнив чашу вином, которое он принес с собой в пещеру, предложил его киклопу. Тот с восторгом опустошил чашу и потребовал налить ему еще, и Одиссей угощал его до тех пор, пока того не одолел пьяный сон. После этого Одиссей и его товарищи вытащили спрятанный ими кол и нагревали его конец, пока он не затлел. Вышние силы вдохнули в них сумасшедшую смелость, и они вонзили раскаленное острие прямо в глаз киклопа. Вскочив с ужасным воем, тот вырвал острие из глаза и начал метаться по пещере в поисках своих обидчиков, но увидеть их он, естественно, уже не мог, и они легко ускользали от него.

Наконец он отвалил камень, уселся у выхода и протянул поперек него свои руки, надеясь таким образом схватить их, когда они начнут выбегать. Но у Одиссея был план и на этот случай. Каждому из своих людей он приказал подобрать трех крепких баранов с густой шерстью и связать их вместе крепкими и гибкими полосками древесной коры. Оставалось только дожидаться прихода дня, когда стада выгоняют на пастбища. Наконец пришел долгожданный рассвет. Всех столпившихся у выхода овец и баранов Полифем оглаживал сверху, чтобы убедиться, что никто не уселся на него верхом. Но он не догадывался оглаживать их и снизу, а ведь именно там, под средним бараном каждой тройки подвесили себя спутники Одиссея, вцепившись пальцами рук и ног в гу-

стую шерсть. Оказавшись за пределами пещеры, они отпускали шерсть и один за другим спешили к кораблю, мгновенно спустив его на воду и заняв свои места у весел. Но гнев Одиссея был слишком велик для того, чтобы он мог покинуть страну киклопов не произнеся ни слова. И он громко прокричал ослепленному великану, сидевшему у выхода из пещеры:

– Что, киклоп, как видно, сил на то, чтобы сожрать всех маленьких людей, у тебя не хватило? А ведь тебя правильно наказали за все, что ты сделал своим гостям!

Эти слова поразили Полифема в самое сердце. Он вскочил, оторвал от скалы гигантский камень и метнул его в корабль Одиссея. Камень чуть было не проломил нос корабля, и обратной волной его потянуло к берегу, так что команде пришлось из всех сил налечь на весла, чтобы вывести его в открытое море. Когда корабль отошел от берега достаточно далеко, Одиссей насмешливо закричал:

– Киклоп, это я, Одиссей, разрушитель городов, выколол тебе глаз, и расскажи об этом всякому, кто спросит.

К этому времени корабль отплыл далеко от берега и киклоп не мог причинить ему никакого вреда. Лишившийся глаза киклоп остался на берегу.

Это – единственная история, рассказываемая о Полифеме на протяжении многих лет. Прошли века, и он оставался тем же самым: ужасным чудовищем, уродливым великаном, к тому же еще и безглазым. Со временем он изменил-

ся – настолько, насколько могут измениться в лучшую сторону уродливость и злобность. Возможно, некоторые аэды (сказители) стали рассматривать эту беспомощную, страдающую фигуру, которой Полифема сделал Одиссей, как достойную жалости. Так или иначе, еще одна рассказываемая о нем история рисует его в более выгодном свете. Теперь он уже никого не ужасает, теперь он – просто самое доверчивое, самое смешное чудовище, отдающее себе отчет в том, насколько оно безобразно, неотесано, отталкивающе и еще более несчастное из-за того, что безумно влюблено в очаровательную и смешливую морскую нимфу Галатею. На этот раз Полифем живет в Сицилии, и ему каким-то непонятным способом удастся вернуть себе глаз, быть может благодаря чуду, совершенному его отцом Посейдоном, великим богом морей. Жизнелюбивый киклоп знает, что Галатея никогда не будет принадлежать ему и его дело безнадежно. И тем не менее, когда боль ожесточила его сердце против Галатеи и он стал спрашивать себя: «Не лучше ли довольствоваться тем, что у тебя есть, а не гоняться за той, которая тебя избегает?» – кокетка стала втихомолку подкрадываться к нему, и тогда на его стадо начинает сыпаться град яблок, а в ушах у него – звучать ее голос, называющий его лентяем в делах любви. Но прежде чем он успевает вскочить на ноги и устремиться за ней, она уже далеко и насмехается над его неуклюжими попытками ее поймать. Все, что он может сделать в этой ситуации, – это опять сидеть на берегу несчастным и беспомощ-

ным, но на этот раз не пытаюсь в ярости уничтожить людей, а лишь распеваю грустные любовные песенки, чтобы смягчить сердце нимфы. В гораздо более позднем сказании Галатея оказывается к Полифему добрее, но не потому, что эта совершенная, утонченная белокожая девушка, как называл ее Полифем в своих песнопениях, влюбилась в безобразное одноглазое существо (в этом сказании он – снова зрячий), а потому, что, трезво рассудив, пришла к выводу, что он – любимый сын Посейдона и пренебрегать им никак не следует. Этот свой взгляд на вещи она изложила своей сестре-нимфе Дориде, которая сама надеялась привлечь внимание киклопа и которая и начала разговор, презрительно заметив: «Ну и возлюбленный у тебя – сицилийский пастух! Об этом уж кто только не говорит».

Г а л а т е я. Пожалуйста, только без гримас. Он – сын Посейдона. Вот так!

Д о р и д а. Да хоть Зевса! Я знаю одно: он – отвратительное и невоспитанное животное.

Г а л а т е я. Я тебе, Дорида, вот что скажу: в нем есть что-то мужское. Конечно, у него всего один глаз, но он видит им так, словно у него их два.

Д о р и д а. Похоже, ты в него влюблена.

Г а л а т е я. Я, и вдруг влюблена в Полифема! Да я, впрочем, могу догадываться, почему ты так говоришь. Ты прекрасно знаешь, что он тебя никогда не замечал. Только меня!

Д о р и д а. Одноглазый пастух считает тебя красавицей. Уж есть чем гордиться. Тебе хоть не придется готовить для него. Думаю, он сам приготовит из любого встречного отличное блюдо.

Но Полифем так никогда и не завоевал Галатею. Она влюбилась в молодого и красивого царевича Акида (Ациса), которого Полифем убил в припадке ревности. Однако Ацис был превращен в речного бога, так что этот миф заканчивается вполне благополучно. Но нам неизвестно, любил ли Полифем когда-нибудь другую девушку, кроме Галатеи, или любила ли когда-нибудь Полифема другая девушка.

«Цветочные» мифы. Нарцисс, Гиацинт, Адонис

Первое сказание о появлении на земле нарциссов известно только из одного раннего гомеровского гимна, относящегося к VIII-VII вв. до н. э., а второе заимствовано мною у Овидия. Между творчеством двух поэтов существуют громадные различия. Поэты разделены не только временным интервалом в шестьсот – семьсот лет они разделены фундаментальными характеристиками греческой и римской литературы. Гомеровский гимн излагает события беспристрастно просто, без какого-либо налета аффектации. Гомер думает о своем герое, Овидий же всегда размышляет об аудитории. Но свой сюжет он разрабатывает хорошо. Малень-

кий эпизод с душой Нарцисса, пытающегося разглядеть свое отражение в Реке смерти, – это очень тонкий штрих, полностью характеризующий его как римского поэта и маловероятный у поэтов греческих. Лучшее описание празднеств в честь Гиацинта дается Еврипидом; его история в целом описана Аполлодором и Овидием. Если в моем переложении мифа имеется некоторая излишняя пылкость, это можно приписать исключительно влиянию Овидия. Аполлодор избыточной живостью никогда не страдал. Миф об Адонисе я излагаю по сочинениям Феокрита и Биона, поэтов, живших в III в. н. э. Их стиль типичен для александрийских поэтов: он чувствителен и мягок, но всегда выдержан с исключительным вкусом.

Греция всегда славилась своими прелестными дикорастущими цветами. Конечно, они прекрасны везде, но в Греции все-таки не так уж много медовых лугов и плодородных полей, где цветы могли бы чувствовать себя как дома. Это страна усыпанных камнями дорог и скалистых гор, но как раз по обочинам дорог и по склонам и растут волшебные дикие цветы, что

Восторг вызывают буйным цветением красок своих.

Суровые горные склоны сплошь покрыты цветочным ковром; цветы распускаются в каждой трещине, каждой расщели-

лине. Привлекает внимание резкий контраст между их радостной, светлой красотой и суровым величием гор с зубчатыми вершинами. Диким цветам можно и не уделять большого внимания – но только не в Греции.

И в те далекие дни на них обращали столь же мало внимания, как и ныне. В давно ушедшие времена, когда мифы Древней Греции только оформлялись, греки считали весенний расцвет природы чудом, относились к нему с восторгом. Эти люди, отделенные от нас тысячелетиями и почти полностью нам неизвестные, ощущали то же, что чувствуем и мы перед лицом этого чуда цветения, когда каждый цветочек так изыскан, нежен и тонок и все они образуют радужный ковер, раскинувшийся по холмам. Первые греческие аэды рассказывали о них историю за историей: о том, как они прекрасны.

Наиболее естественно было бы связать их происхождение с богами. Ведь все вещи на земле были таинственным образом связаны с божественными силами, но самые красивые из них – в первую очередь. Нередко особенно прелестный цветок считался непосредственным творением бога, исполненным с известными ему целями. Это было верно и для нарцисса, который не походил на наши современные нарциссы, а был окрашен в яркий пурпурный и серебристый цвета. Его призвал к жизни Зевс, чтобы помочь своему брату, владыке мрачного земного царства, похитить девушку, в которую тот был влюблен, – дочь Деметры Персефону. Однажды она собирала с подружками цветы в долине Эины на поросшем

мягкой травой лугу: розы и крокусы, фиалки, ирисы и гиацинты. И вдруг она заметила совсем новый для нее цветок – гораздо прекраснее, чем какие-либо цветы, которые она встречала до сих пор. Это был цветок из цветков, было чудо, явленное всем: и бессмертным богам, и смертным жителям земли. От его корней росло около сотни побегов, с венчиками цветов, издававших чудесный аромат. Смотря на него, радовались и сама земля, и раскинувшееся над ней небо, и соленая морская волна.

Из всех подружек только одна Персефона заметила его. Остальные в это время находились на другом конце луга. Она тихими шагами подобралась к цветку, побаиваясь остаться надолго в одиночестве, но испытывая непреодолимое желание положить его к себе в корзинку. Она чувствовала себя в точности так, как предполагал Зевс. Дивясь цветку, она все-таки протянула руку, чтобы сорвать эту прелесть, но не успела и дотронуться до него, как в земле раскрылась огромная расселина, а из нее выскочили черные, как уголь, кони, впряженные в колесницу, на которой стояла фигура бога, величественная, излучающая благородство, прекрасная и одновременно ужасающая. Он схватил Персефону и крепко прижал к себе. В следующий момент она поняла, что ее с одетой в весенний наряд земли уносит в царство мертвых его владыка.

Это не единственный рассказ о нарциссах. Существует

еще один – настолько же волшебный, но совсем иной по сюжету. Героем этого сказания является красавец юноша по имени Нарцисс. Он был настолько прекрасен, что все увидевшие его девушки хотели принадлежать ему, но он не хотел близости ни с одной из них. Он мог совершенно спокойно пройти мимо самой прелестной девы, сколько бы попыток привлечь его внимание она ни делала. Разбитые девичьи сердца ничего не значили для него. Его не тронула даже печальная судьба самой красивой из нимф, Эхо. Та была любимицей Артемиды, богини охоты, покровительницы диких зверей и лесов. Однако ее невзлюбила еще более могучая богиня, Гера, которая в это время, как обычно, собиралась выяснить, что замышляет Зевс. Она подозревала, что ее супруг влюбился в одну из нимф Артемиды, и как раз направлялась посмотреть их всех сразу, чтобы определить соперницу. И тут ее неожиданно отвлек веселый смех Эхо. Пока Гера прислушивалась к нему, остальные нимфы молча разошлись, и Гера так и не смогла установить, на кого же из них обратил свое непостоянное внимание ее супруг, со свойственной ей несправедливостью она тотчас же обратила свой гнев на Эхо. Той было суждено стать еще одной несчастной девушкой, которую наказывала Гера. Богиня сделала так, что та могла только повторять последние из обращенных к ней слов. «Ты будешь повторять только последние слова, – приказала Гера, – и никогда не начинать разговор первой».

Это было очень тяжело, но тяжелей всего ей стало тогда,

когда она, как и многие другие девушки, полюбила Нарцисса. Она могла следовать за ним, но не могла с ним заговорить. А как же еще она могла привлечь внимание юноши, который ни разу не взглянул ни на одну девушку? Но однажды, как ей показалось, пришел ее день. В этот день Нарциссу довелось крикнуть своим спутникам:

– Есть кто-нибудь здесь? И Эхо в восторге крикнула:

– Здесь, здесь...

Она пряталась за деревьями; Нарцисс не мог ее видеть, и ему пришлось в свою очередь крикнуть:

– Приди ко мне!

Эти-то слова Эхо и собиралась сказать Нарциссу. Конечно, она с радостью ответила:

– Приди ко мне, – и вышла из чащи с протянутыми к нему руками.

Но Нарцисс с отвращением отвернулся.

– Этого не нужно, – резко бросил он, – да я прежде умру, чем ты получишь власть надо мной!

Она же могла только скромно, с умоляющими нотками в голосе повторить:

– Ты получишь власть надо мной!

Но Нарцисс уже ушел. Она же спрятала свое горе, свой стыд в одинокой пещере и никогда уже не могла радоваться жизни. Она и теперь еще скрывается в таких местах и, как говорят, настолько исстрадалась от любовного томления, что от нее остался только голос.

А Нарцисс продолжал идти своим путем, презирая любовь, издеваясь над ней. Наконец одна из тех, кем он пренебрег, взмолилась богам, ее молитва дошла, и боги ответили на нее так: «Пусть тот, кто не в состоянии любить других, возлюбит самого себя!» Выполнить этот приговор должна была великая богиня Немезида, имя которой означает «справедливый гнев». Однажды, наклонившись над источником с чистой, незамутненной водой, чтобы напиться, и увидев в нем свое отражение, он влюбился в самого себя. «Теперь я знаю, – выкрикнул он, – почему так страдали другие, – ведь я сгораю от любви к себе самому. И как же мне дотянуться до того совершенства, что я вижу? Я ведь не могу оставить его, и одна только смерть освободит меня!» Так и случилось. Постоянно сидя около источника и неотрывно вглядываясь в свое собственное отражение, он начал гаснуть. Эхо была рядом с ним, но помочь ему она ничем не могла. Лишь когда он, умирая, воззвал к своему отражению: «Прощай, прощай!» – она смогла повторить эти слова как последнее приветствие своему любимому.

Иные утверждают, что его душа, пересекая реку, окружающую царство мертвых, перегнулась через борт ладьи, чтобы в последний раз уловить свое изображение в воде.

Нимфы, которыми он так пренебрегал, были добры к нему. Они искали его тело, чтобы устроить погребение, но не нашли. Там, где оно лежит, вырос новый чудесный цветок, названный именем этого юноши – нарцисс.

Еще одним цветком, появившимся на земле в результате гибели другого прекрасного юноши, стал гиацинт. Как и нарцисс, он не был похож на современные нам цветы с тем же названием: по форме он напоминал лилию и был темно – пурпурного или, как утверждают некоторые, ярко-малинового цвета. Смерть юноши была трагической, и каждый год о ней вспоминали.

На торжествах в честь Гиацинта,
Что проходят в спокойной ночи,
Соревнуясь с богом Аполлоном,
Пал он мертвым. Диск метали они,
Но бог свой бросок
Не рассчитал

и, попав в лоб Гиацинту^{16}, нанес ему смертельную рану. Гиацинт был любимым товарищем Аполлона в спортивных играх. Когда они пытались выяснить, кто из них может метнуть диск дальше, между ними не было духа соперничества; они просто играли в спортивную игру. Бог, естественно, пришел в ужас, увидев, как потоком льется кровь Гиацинта, а смертельно бледный юноша уже лежал на земле. Аполлон сам смертельно побледнел, поднимая Гиацинта на руки и пытаясь остановить кровь. Пока он держал его, голова юноши откинулась назад, как откидывается цветок, когда ломается стебель. Он был мертв, и Аполлон, встав на колени перед его телом, оплакал его, погибшего таким молодым и таким кра-

сивым. Он убил Гиацинта, хотя и нечаянно, и теперь молил: «О, если бы я мог отдать за тебя жизнь или умереть вместе с тобой!» Но пока Аполлон проливал слезы, окрашенная кровью трава снова стала зеленой и в ней расцвел чудесный цветок, который сделает имя юноши известным навсегда. Аполлон сделал на лепестках цветка особую надпись. По утверждению одних – это первая буква имени юноши; по мнению других – две буквы, означающие греческое слово «увы». В любом случае это память о великой печали бога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.